К44 3/96
№49279
XV–№98
Брош. II 70.

В. КАЩКАРОВЪ.

НА ПОРОГѢ ВЕЛИКИХЪ СОБЫТІЙ.

Замыслы Германіи и задачи Россіи.

1. Германія и Россія.
2. Австрія и славяне.
3. Россія и славяне.

КУ 3/96

В. КАШКАРОВЪ.

НА ПОРОГѢ ВЕЛИКИХЪ СОБЫТІЙ.

(Замыслы Германіи и задачи Россіи.)

1. Германія и Россія.
2. Австрія и славяне.
3. Россія и славяне.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1914.

БИБЛИОТЕКА Т. Н. ВУ
№ 500
9-I 1931 г.

НА ПОРОГѢ

ВЕЛИКИХЪ СОБЫТІЙ.

Германія и Россія.

Нѣмецкая колонизаціонная политика.

Гогенцоллерны всегда понимали, что столкновеніе съ Россіей неизбѣжно, что къ нему надлежитъ готовиться, и, надо отдать справедливость нѣцамъ, они неустанно къ нему готовились.

Вильгельма II считаютъ войнолюбивымъ и тщеславнымъ государемъ, про его отца этого нельзя сказать, а, между тѣмъ, и онъ всего болѣе былъ озабоченъ мыслью о предстоящей войнѣ съ Россіей. Личная воля государей можетъ или ускорить наступленіе или на время отсрочить неизбѣжныя историческія событія, но устранить ихъ совершенно не въ ихъ власти. Ходъ историческихъ событій, главнымъ образомъ, опредѣляется столкновеніями на почвѣ экономическихъ интересовъ. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ думать, что только хвастливый задоръ пруссаковъ, упоенныхъ своими недавними побѣдами надъ датчанами, австрійцами и французами, толкалъ нѣмцевъ на борьбу съ Россіей. Если германскаго императора и прусское юнкерство побуждали къ этой войнѣ славолюбивые инстинкты, то громадная масса нѣмцевъ, сочувствующихъ этой войнѣ, видѣла въ ней другое—выходъ изъ того тягостнаго экономическаго состоянія, въ кото-

ромъ обрѣтается нѣмецкій народъ вслѣдствіе земельной тѣсноты. *Въ 1903 году въ Kreuzzeitung'*ѣ была напечатана статья, которая откровенно высказываетъ вожделѣнія нѣмецкихъ политиковъ. «Невѣроятно,—пишетъ авторъ статьи,—до чего мы дожили въ главенствующей Пруссіи. Неужели напрасно жили Листъ, Родбертусъ, Лагардъ, Константинъ Франкъ, которые учили, что областью колонизаціи для 800.000 ежегоднаго прироста населенія Германіи не могутъ быть тропическія страны, а единственно *только юго-востокъ Европы: Австро-Венгрія, Балканы, западъ и югъ Россіи?* Въ какомъ другомъ государствѣ найдете такую тѣсноту, какъ въ Германіи, гдѣ 56 милліоновъ нѣмцевъ живутъ на 544.000 квадр. километровъ? Ясно, что тутъ одинъ у другого долженъ поѣдать хлѣбъ, вслѣдствіе чего рождается недовольство только недавно объединенное имперіей, которое, особенно на югѣ растетъ не по днямъ, а по часамъ. А какая живучая сила лежитъ неупотребленной въ Саксоніи, Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ, не говоря уже о Пруссіи, которая одна должна вести бой съ 3 милліонами поляковъ? И въ то же время германская армія, которой нѣтъ равной въ Европѣ, въ праздности растлѣвается!» Извѣстный нѣмецкій соціологъ *Карлъ Енчъ въ томъ же 1903 году* въ вѣнскомъ журналѣ *Zeit*, подвергнувъ жестокой критикѣ современную финансовую и внѣшнюю политику Россіи, заканчиваетъ статью характернымъ указаніемъ: «Историческій опытъ учитъ, что *народы, не имѣющіе болѣе свободныхъ мѣстъ въ своей странѣ для населенія, какъ сейчасъ всѣ западные народы, хирѣютъ и впадаютъ въ бѣдность, если не могутъ расширить предѣловъ своего государства*, и что времена сильнаго расширенія являются обыкновенно временами

процвѣтанія, а пріостановка въ этомъ движеніи—временемъ упадка народовъ. Область, которую само Провидѣніе указало нѣмецкому народу для приложенія къ дѣлу его бьющихъ черезъ край силъ, это Ближній Востокъ, доступъ къ которому преграждаетъ Россія. На этомъ основаніи, а также, какъ очагъ враждебнаго культурѣ деспотизма, *Россія и есть единственный настоящій врагъ нѣмцевъ*. Всякій другой врагъ—плодъ непониманія и праздная игра фантазіи». Третій нѣмецкій политикъ, авторъ столь нашумѣвшей въ свое время брошюры *Unsere Angstpolitik* («Наша политика трусости»), еще опредѣленнѣе указываетъ, куда именно на Ближнемъ Востокѣ должно направить переселенческую волну нѣмецкаго народа. «Германія,—говоритъ онъ,—благодаря невыносимой скученности населенія переживаетъ очень тяжелое время. Политика ея забыла традиціи Карла Великаго и Фридриха Барбароссы и при этомъ отличается робостью и неумѣніемъ. Для разселенія нѣмцевъ, стѣсненныхъ на родинѣ, не надо искать заморскихъ колоній въ Африкѣ. Болѣе вѣрный путь—это путь старый: западъ и югъ Россіи—побережье Балтійскаго и Чернаго морей. Занявъ ихъ, мы во-время остановимъ опасный для Западной Европы ростъ могущества Русскаго государства. *Въ плодородныхъ, притомъ мало населенныхъ равнинахъ южной и западной Россіи, на прежней родинѣ готтовъ, использовавъ наше историческое право, мы найдемъ еще достаточно мѣста для многихъ милліоновъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ, промышленниковъ и купцовъ*». Чтобы осуществить этотъ захватъ и оставить Россію одинокою въ борьбѣ съ Германіей, авторъ рекомендуетъ войти въ соглашеніе съ Англіей и Франціей, при чемъ послѣдней за отказъ отъ союза съ Россіей находитъ

возможнымъ возвратить Эльзасъ и Лотарингію [1]). Тѣ же мысли высказываетъ и нѣмецкій историкъ профессоръ Альбрехтъ Виртъ. Захватъ западныхъ областей и юга Россіи—завѣтная мечта нѣмецкихъ политиковъ и публицистовъ.

Два года тому назадъ закончилась въ Германіи очередная всенародная перепись, по которой численность населенія Германской имперіи опредѣлилась въ 65 милліоновъ душъ. За три года передъ переписью оно возросло на 3 милліона. Въ 1903 году нѣмецкіе статистики исчисляли ежегодный приростъ населенія въ 800 тысячъ, сейчасъ онъ возросъ до 1 милліона. Конечно, по мѣрѣ увеличенія общей численности населенія, будетъ возрастать и цифра годового прироста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нужда въ новыхъ земляхъ. По исчисленію Леруа-Болье, населеніе Германіи къ концу XX вѣка достигнетъ 200 милліоновъ человѣкъ. Шлейденъ полагаетъ, что въ 1980 году оно возрастетъ до 150 милліоновъ. Проф. фонъ-Шмоллеръ, на основаніи строгихъ вычисленій, опредѣляетъ къ концу текущаго вѣка населеніе Германіи въ 150 милліоновъ. Если въ предѣлахъ Германіи тѣсно живется 65 милліонамъ нѣмцевъ, то, очевидно, излишекъ въ 85 милліоновъ долженъ найти себѣ мѣсто за предѣлами Германіи. Вмѣстить эту массу могутъ пустыри Америки и Австраліи, Южная Африка, Малая Азія и Месопотамія и славянскія области Европы. Что касается Австраліи и Америки, то эти страны мало при-

---

[1]) На эти статьи нѣмецкихъ публицистовъ въ свое время указывалъ издававшійся въ Вѣнѣ журналъ „Славянскій Вѣкъ“ (см. статью Д. Н. Вергуна „Германская политическая стратегія“. „Слав. Вѣкъ“, 1903 г., № 70).

влекаютъ нѣмецкихъ политиковъ. Извѣстный этнологъ Фр. Гервальдъ, ссылаясь на цѣлый рядъ научныхъ наблюденій, указываетъ на слѣдующую характерную черту германскаго элемента: «Тамъ, гдѣ нѣмецъ живетъ среди своихъ единоплеменниковъ, англо-саксовъ, онъ обыкновенно въ короткое время отрѣшается отъ своей національности, и уже въ ближайшемъ поколѣніи, какъ по языку, такъ по нравамъ и по привычкамъ, сливается, большею частью, съ окружающимъ его англійскимъ элементомъ... Ничего подобнаго не наблюдается въ нѣмцахъ, живущихъ между романскими народами, или славянскими, или, по крайней мѣрѣ, превращеніе совершается не такъ быстро». Въ южной Африкѣ нѣмецкій элементъ сосѣдитъ съ англосаксонскимъ и, несомнѣнно, въ виду численнаго превосходства послѣдняго, растаетъ въ немъ. По этой причинѣ для нѣмецкихъ политиковъ, мечтающихъ о Великой Германіи, переселеніе нѣмцевъ въ Америку, Австралію и южную Африку нежелательно. Даже Малая Азія и Месопотамія мало удовлетворяютъ ихъ. Эти области являются черезполосными. Вотъ почему всѣ помыслы германскихъ политиковъ направлены къ захвату славянскихъ земель. А такъ какъ нѣмецкая переселенческая волна меньше всего встрѣтила сопротивленія въ Россіи, то сюда, главнымъ образомъ, и направилась она.

Замыслы Германіи.

«*Германскій духъ стремится къ міровладычеству!*» заявилъ императоръ Вильгельмъ II 20 іюня 1902 года въ Ахенѣ, а 11 октября 1904 при освященіи императорскаго музея въ Заальбургѣ подтвердилъ эту мысль характернымъ пожеланіемъ: «Да будетъ суждено нашему нѣмецкому отечеству будущее время при содѣйствіи

князей и народовъ, ихъ войскъ и гражданъ сдѣлаться столь же могучимъ государствомъ, столь же крѣпко сплоченнымъ и столь же значительнымъ, какимъ нѣкогда была римская всемірная имперія, чтобы и въ будущемъ говорили, какъ въ древнія времена: «Civis romanus sum» [1]),—только: «Ich bin ein deutscher Bürger» [2]).

Эти заявленія германскаго императора ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ только пожеланія, ему одному присущія. Вильгельмъ выступаетъ въ нихъ выразителемъ притязаній, глубоко внѣдрившихся въ сознаніе нѣмецкаго народа. Они обосновываются нѣмцами съ одной стороны на якобы историческомъ правѣ возвращенія и возсоединенія съ Германіей всѣхъ тѣхъ земель, которыя когда-либо находились во владѣніи нѣмецкихъ племенъ, а съ другой стороны, на яко бы естественномъ правѣ насажденія высшей цивилизаціи, а такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, протекшихъ со временъ перваго выступленія нѣмецкаго племени на арену всемірной исторіи, оно утверждало свое кратковременное господство на довольно обширной территоріи, то территоріальныя претензіи нѣмцевъ чрезвычайно обширны.

Въ этихъ широкихъ притязаніяхъ разнообразные круги нѣмецкаго народа обнаруживаютъ удивительное единомысліе, а нѣмецкіе ученые пытаются научно обосновать ихъ; въ ряду таковыхъ мы встрѣтимъ имена этихъ извѣстныхъ біологовъ, антропологовъ, географовъ и историковъ (Дрисмансъ, Ратцель, Гартманъ, Лангхансъ, Трейчке, Лампрехтъ и др.). Въ учебникахъ географіи, принятыхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ

---

[1]) Я—римскій гражданинъ.
[2]) Я—коренной нѣмецъ.

заведеніяхъ Германіи, къ фатерланду (отечеству) оказываются причисленными: Германская имперія, Австрія, Швейцарія, Нидерланды и Бельгія — на картахъ и Царство Польское, подъ названіемъ юго-восточная Пруссія. Лассаль мечталъ «*дожить до того времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи и когда нѣмецкіе полки солдатъ и работниковъ будутъ стоять у Босфора*». Бебель 14 апрѣля 1904 г. заявилъ въ рейхстагѣ, что нѣмецкіе соціалъ-демократы никогда не допустятъ, чтобы хоть пядь нѣмецкой земли попала въ руки непріятеля. Обрадованный этимъ заявленіемъ, государственный канцлеръ Бюловъ выразилъ пожеланіе, что партія Бебеля будетъ помнить «*обо всей нѣмецкой землѣ, и той, что на востокѣ (остзейскія провинціи), и тої, что на югѣ» (австрійскіе нѣмцы)*. На упреки графа Ревентлова въ упущеніи германскихъ интересовъ въ Марокко канцлеръ многозначительно напомнилъ: «Я думаю, что въ настоящее время, когда на Дальнемъ Востокѣ вспыхнула война [1]), воздѣйствіе которой на Европу пока нельзя учесть, и когда на Ближнемъ Востокѣ еще многое такъ неясно, выжидательная политика для Германіи самая полезная, и я не позволю себѣ никому предписывать срока, когда мы должны выступить изъ нынѣшняго нашего *выжидательнаго* положенія. Графъ Ревентловъ долженъ знать, что если желательно вызвать недоразумѣнія, объ этомъ никто не долженъ кричать *заранѣе* и не долженъ *явно* навязывать свои совѣты правительству. Фридрихъ Великій пользовался часто *макіавеллевской* политикой, но предварительно онъ написалъ трактатъ: «Anti-Maciavelli» [1]).

[1]) Русско-японская.

[1]) Противъ Макіавелли.

Рѣчь канцлера на другой день дополнилъ графъ Посадовскій слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ: «Великая борьба между славянами и нѣмцами не будетъ рѣшена законами и политическими мѣропріятіями, и окончательную побѣду получитъ то племя, которое сумѣетъ быть болѣе бережливымъ, *дальнозоркимъ* и болѣе способнымъ въ хозяйственномъ отношеніи».

Путь къ такой побѣдѣ указалъ императоръ Вильгельмъ въ своей рѣчи о возсоздателѣ Германской имперіи Вильгельмѣ Великомъ: «Сначала — тихонько, *скрытой работой*, а затѣмъ, какъ *Богомъ избранное орудіе!* Какъ надо понимать эту скрытую работу, постарался объяснить профессоръ мюнхенскаго университета Альбрехъ Виртъ (Volksthum und Weltmacht in der Geschichte. München. 1904): *Первымъ нашимъ союзникомъ въ борьбѣ съ Россіей и славянствомъ является русское бюрократическое самодержавіе*, которое мы поэтому должны всѣми силами поддерживать. Русское бюрократическое самодержавіе, задерживающее духовныя силы русскаго народа, поможетъ германскому міру прогнать Россію за Уралъ и возстановить имперію остготовъ».

Почтенный нѣмецкій ученый указываетъ и другое вѣрное средство въ борьбѣ съ Россіей—планомѣрную колонизацію ея нѣмцами. Отмѣтивъ бездарность русской бюрократіи, Виртъ продолжаетъ: «Германія можетъ пожать плоды русскаго государственнаго искусства, если для этого у нея хватитъ мужества. Листъ, Мольтке, Родбертусъ, Лагардъ и «пангерманскіе» круги указали на то, что цѣль нѣмецкаго выселенія, нѣмецкаго расширенія лежитъ на *юго-востокѣ Европы*. Какую помощь могутъ оказать намъ, даже

при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, бразильскіе или южно-африканскіе нѣмцы? Для распространенія нѣмцевъ—большую, для нѣмецкой же имперіи — весьма малую... Напротивъ, ростъ нѣмецкихъ владѣній на материкѣ и увеличеніе числа нѣмецкихъ крестьянъ, прилежаніе и дѣловитость которыхъ далеко превышаетъ нерадивую тупость русскаго и славянскаго «мужика», является надежнымъ ручательствомъ противъ натиска нашихъ враговъ, а также прочнымъ основаніемъ нашего возрастающаго могущества. Мы должны снова взяться за колонизаторскую дѣятельность Оттоновъ, семиградскихъ саксовъ, нѣмецкаго ордена и первыхъ прусскихъ королей. Для этого уже положили прочное начало нѣмецкіе крестьяне на Волгѣ, на Днѣпрѣ, на Волыни, и развитіе нѣмецкой торговли и промышленной дѣятельности во всемъ русскомъ хозяйствѣ».

Итакъ, поддержка бюрократическаго самодержавія и колонизація западныхъ и южныхъ областей Россіи—вотъ та «скрытая работа», на которую намекалъ императоръ Вильгельмъ.

Надо отдать справедливость нѣмцамъ, они уже въ достаточной мѣрѣ проявили и «дальнозоркость», рекомендованную гр. Посадовскимъ, и искусство въ пользованіи «макіавеллевскими» средствами.

Возвращаясь въ 1903 году изъ Рима со свиданія съ папою Піемъ X, императоръ Вильгельмъ, какъ говорятъ, заявилъ одному изъ своихъ генераловъ. «*Что не удалось Владиславу IV въ 1612 году, Карлу XII—въ 1709 году, Наполеону—въ 1812 году, удастся мнѣ; въ 1912 году я овладѣю Москвою, и этимъ выполню „завѣщаніе Фридриха II.*

Практическія мѣропріятія въ Польшѣ и на югѣ Россіи показываютъ, что «скрытая работа» велась очень энергично, но даже и при этой настойчивой работѣ только въ 1914 году отважился Гогенцоллернъ бросить вызовъ Россіи.

Методическая борьба.

Наши сосѣди нѣмцы обладаютъ завиднымъ упорствомъ въ достиженіи своихъ историческихъ цѣлей. Было время, когда Бисмаркъ находилъ нежелательнымъ пріобщеніе къ Германіи Астро-Венгріи. Тогда мечты нѣмцевъ дальше захвата эрцгерцогства Австріи не простирались, что же касается русскихъ владѣній, то вожделѣнія желѣзнаго канцлера ограничивались только остзейскими губерніями. Канцлеръ серьезно увѣрялъ, что для Ближняго Востока онъ не пожертвуетъ костьми даже одного померанскаго гренадера. Но времена перемѣнчивы. Камерунъ, пустыни Южной Африки и земли Занзибарскаго султана вовсе не оказались тѣмъ раемъ для нѣмецкихъ колонистовъ, какимъ представлялись первое время пылкому воображенію нѣмецкихъ культуртрегеровъ.

Народились новые планы расширенія нѣмецкой имперіи. На этотъ разъ вниманіе нѣмецкихъ политиковъ остановилось на славянскихъ земляхъ и на областяхъ развивающейся оттоманской имперіи. Кромѣ земель австрійскихъ и балканскихъ славянъ, въ нѣмецкой печати выдвинутъ вопросъ о захватѣ русской Польши, Бѣлоруссіи, Украйны и всего черноморскаго побережья. Для оправданія такой претензіи предъявлены «историческія права» на эти земли. «Наслѣдіе готскаго короля Германариха должно стать достояніемъ нѣмецкаго народа!—съ паѳосомъ восклицаютъ нѣмецкіе политики и историки.—Предѣлы германской импе-

ріи необходимо воздвигнуть до Волги и Чернаго моря».

На пути къ осуществленію этихъ претензій стоитъ могущество Россіи. Мало того, оно грозитъ нѣмцамъ крушеніемъ ихъ надеждъ на захватъ славянскихъ земель Австро-Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне видятъ въ Россіи родное имъ государство, они возлагаютъ большія надежды—и, конечно, вполнѣ основательно—на помощь единокровнаго имъ русскаго народа; они понимаютъ, что безъ его братской поддержки они потонутъ въ волнахъ германизма.

Въ теченіе ряда лѣтъ нѣмцы усиленно готовились къ войнѣ. Всѣ эти громадныя вооруженія Австріи, кредитъ на которыя былъ утверждаемъ австрійской и венгерской делегаціями, направлены были исключительно противъ Россіи. Буковинскій депутатъ фонъ-Василько безъ обиняковъ заявлялъ три года тому назадъ, что онъ вотируетъ за военные и морскіе кредиты только изъ ненависти къ «царизму» и къ Россіи, такъ какъ увѣренъ, что вооруженія Австро-Венгріи направлены противъ послѣдней. Вызывающій тонъ этой рѣчи, оскорбленія по адресу Россіи, казалось бы, обязывали австрійское правительство, хотя бы изъ корректности, отвѣтить на эту выходку протестомъ. Но этого не случилось; напротивъ, на традиціонномъ торжественномъ обѣдѣ во дворцѣ, на такъ называемомъ «серклѣ», императоръ Францъ-Іосифъ, обычно игнорирующій славянскихъ депутатовъ, обошелся необычайно любезно съ украйнофильскими депутатами фонъ-Василько и Цеглинскимъ и демонстративно похвалилъ обоихъ за ихъ патріотическія рѣчи.

Наслѣдникъ австрійскаго престола Францъ-Фердинандъ лелѣялъ мысль пріобщить къ габсбургской мо-

нархіи всю Украйну «отъ Карпатъ до Кавказа». Этими же мечтами объясняется и то благопріятное для украйнофиловъ отношеніе австрійскихъ властей, которое наблюдается по сейчасъ въ Галиціи, гдѣ всегдашніе вѣрные союзники габсбургской короны, галиційскіе поляки, изъ недавнихъ фаворитовъ, разжалованы въ «терпимую» національность.

Тайныя сношенія пруссаковъ съ галицкими украйнофилами-мазепинцами служатъ характернымъ указаніемъ причастности германскихъ дипломатовъ къ возбужденію сепаратизма въ Галиціи и въ нашей Украйнѣ. Наивные украйнофилы-мазепинцы, мечтающіе изъ Украйны и Галиціи создать особое «украинское», или «рутенское» государство, не уяснили себѣ, для кого, въ сущности, готовятся они таскать изъ огня каштаны.

Одновременно съ поощреніемъ изъ Берлина и Вѣны ихъ сепаратическихъ выступленій, шла усиленная колонизація нѣмцами Украйны и Новороссіи и проповѣдь среди малороссовъ штундизма. Въ нѣмецкой военной литературѣ время отъ времени появлялись интересныя брошюры, вскрывающія дѣйствительную подоплеку нѣмецкой политики.

Я позволю себѣ указать на любопытную книжку прусскаго майора Остенъ-Сакена «Походъ 1812 года» («Der Feldzug fon 1812»). Этотъ офицеръ, подвергнувъ жестокой критикѣ походъ Наполеона въ 1812 году, доказываетъ, что съ Россіей надо бороться *методически*. «Уничтожительная стратегія», заключающаяся въ быстромъ разгромѣ непріятельской арміи, непримѣнима для борьбы съ далеко протянувшейся Россійской имперіей. Неудобные пути сообщенія, невозможность во-время получить въ такой странѣ достаточные

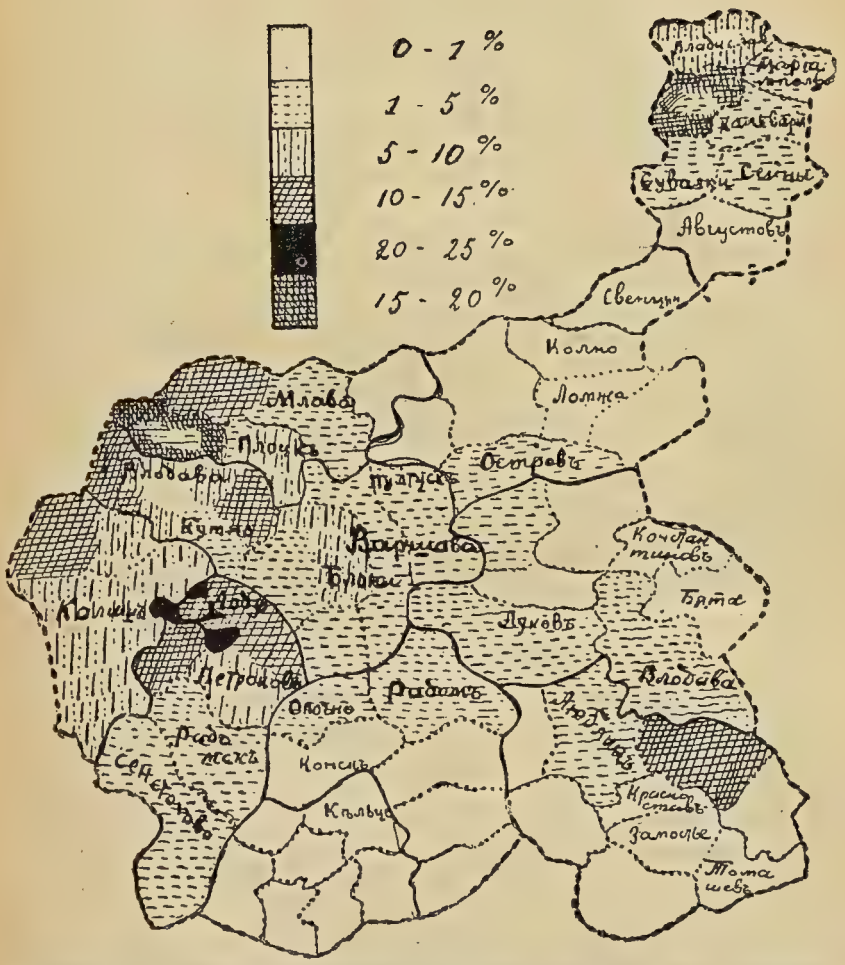
запасы продовольствія и многія другія причины,— указываетъ онъ,—заставляютъ отказаться отъ способа войны, примѣнимаго въ борьбѣ съ другими державами. Съ Россіей надо вести «*систематическую войну*», медленно двигаться впередъ и основательно *укрѣпляться посредствомъ нѣмецкихъ колонистовъ*. Предварительно надо *подготовить почву*, возбуждая недовольство среди инородческихъ элементовъ, *особенно—среди поляковъ и малороссовъ*. Усиленное внѣдреніе нѣмецкихъ колонистовъ въ юго-западный край и явное заигрываніе австрійскаго правительства и тайное германскаго съ украйнофилами показываютъ, что нѣмцы уже давно начали свой походъ на Россію. За всѣми сладкими рѣчами о *традиціонной дружбѣ* скрывалась явно враждебная политика по отношенію къ Россіи,—и было бы верхомъ наивности вѣрить въ дружескія чувства германскаго правительства. Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ стремленіямъ расчленить Россію, самъ собою выплывалъ на очередь вопросъ о славянской федераціи. Одни только славяне все еще остаются необъединенными, большинство изъ нихъ до сихъ поръ стонетъ подъ игомъ неволи. Тщетно борются чехи за возстановленіе нарушенныхъ правъ короны св. Венцеслава, задыхалась подъ напоромъ германизма и близорукой руссификаціонной политики нашего правительства расчлененная, подѣленная въ своихъ коренныхъ земляхъ несчастная Польша, гибла, раздираемая партійными раздорами Галиція и Угорская Русь, расчлененъ сербскій народъ, внѣ предѣловъ Болгарскаго царства болгарская Македонія...

Если, подчиняясь чувству присущаго ему миролюбія, русскій народъ до сего времени упорно отодвигалъ вопросъ объ осуществленіи своей завѣтной мечты

о созданіи славянской федеративной имперіи, то теперь, когда нѣмцы сорвавъ съ лица маску бросили Россіи вызовъ войною, Австрія покушается на коренныя русскія земли, настала пора заявить, что русскій народъ чуждъ мысли обратить земли родныхъ ему славянскихъ народовъ въ русскія губерніи, какъ это часто утверждали его враги, но что онъ живетъ мыслью увидѣть представителей всѣхъ славянскихъ народовъ въ парламентѣ будущей федеративной славянской имперіи, образовавшейся вокругъ Россіи.

Нѣмецкая колонизація Царства Польскаго.

Вышедшая изъ печати польскій календарь Гебетнера и Вольфа на 1911 годъ содержитъ любопытныя данныя о заселеніи нѣмцами Царства Польскаго. Помѣщенная карта даетъ наглядное представленіе о растущей изъ года въ годъ тевтонской колонизаціи и тѣхъ захватахъ, какіе уже сдѣланы германцами въ Привислинскомъ краѣ. Эта въ высшей степени поучительная карта наводитъ на многія размышленія. Уже и сейчасъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Царства Польскаго нѣмцы составляютъ свыше 18% всего населенія. Дальнѣйшее онѣмеченіе польскихъ губерній врядъ ли можетъ входить въ расчеты русской политики. Разсчитывать на ассимиляцію германскихъ пришельцевъ съ туземнымъ населеніемъ не приходится, равнымъ образомъ нельзя надѣяться на безусловную вѣрность ихъ пріютившему государству. Въ противоположность остзейскимъ нѣмцамъ, обнаруживающимъ полную лойяльность въ отношеніи Россіи, нѣмцы Царства Польскаго и сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній не скрываютъ своей преданности германскому отечеству и смотрѣли на русское подданство какъ на временное состояніе, которое должно из-



Плотность нѣмецкаго населенія въ царствѣ польскомъ по отношенію къ полякамъ.

мѣнить въ недалекомъ будущемъ война Германіи съ Россіей.

Особый германскій законъ о «двойномъ подданствѣ» (отъ 1-го іюня 1870 года) скрѣпляетъ связь колонистовъ съ Германіей и еще болѣе увеличиваетъ претензію императора Вильгельма вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ, а особенно Россіи.

Возстановленіе въ Маріенбургѣ въ 1902 году Тевтонскаго ордена и рѣчи о воскрешеніи Ганзы служили вящшимъ подтвержденіемъ все той же агрессивной нѣмецкой политики, а потому мирному завоеванію нашихъ пограничныхъ областей нѣмцами долженъ быть положенъ предѣлъ. Въ 16-ти пограничныхъ губерніяхъ западной Россіи уже сейчасъ имѣется свыше милліона нѣмцевъ.

Наши пресловутые защитники русскихъ интересовъ въ Царствѣ Польскомъ ген.-губернаторы графы Бергъ и Коцебу довольно своеобразно проводили русскую политику въ подвѣдомственномъ имъ краѣ. Жестоко утѣсняя поляковъ, они усиленно покровительствовали наплыву въ край нѣмцевъ. Въ Польшѣ создалась обширная нѣмецкая промышленность. Города Лодзь, гдѣ въ настоящее время проживаетъ свыше 100.000 нѣмцевъ, Згержъ, Озорковъ и другіе стали исключительно нѣмецкими городами и сейчасъ являются не только центрами нѣмецкой промышленности, но и нѣмецкими аванпостами въ Россіи. Даже коренныя русскія земли— Холмская Русь — не избѣгли усиленной германизаціи. Въ настоящее время нѣмцы составляютъ тамъ компактную массу въ 12,75% всего населенія. На картѣ профессора Павла Лангханса («Deutscher Kolonial Atlas») показаны 212 нѣмецкихъ колоній въ Царствѣ Поль-

скомъ. Свыше милліона десятинъ поступило во владѣніе нѣмцевъ, при чемъ характерною особенностью является то, что въ большинствѣ случаевъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и на Волыни, нѣмецкія колоніи расположились пососѣдству съ русскими крѣпостями. Крупные землевладѣльцы и промышленники по большей части состоятъ въ двойномъ подданствѣ, и среди нихъ немало отставныхъ и запасныхъ офицеровъ германской арміи. Колонисты поддерживаютъ самыя оживленныя сношенія съ «Всенѣмецкимъ союзомъ» и получаютъ оттуда постоянныя субсидіи. Въ то самое время, какъ польская школа терпитъ въ краѣ всевозможныя гоненія, нѣмецкія школы евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго вѣроисповѣданія, такъ называемыя «канторатьі», благоденствуютъ и въ нѣкоторыхъ гминахъ подавляютъ даже государственную школу; въ Люблинской губерніи было въ 1904 г. начальныхъ правительственныхъ школъ 57, а канторатовъ—47.

Учитывая враждебное отношеніе русскаго правительства къ евреямъ, употребленіе ими нѣмецкаго жаргона, какъ роднаго языка, и, наконецъ, то обстоятельство, что значительная часть еврейской молодежи принуждена получать образованіе въ германскихъ школахъ, нѣмецкая печать возлагала большія надежды на наше еврейское населеніе и считаетъ его пріобщеннымъ къ германизаторскимъ цѣлямъ нѣмецкой расы. «Berliner Tageblat» въ декабрѣ 1904 года, въ статьѣ Евреи — піонеры германизма въ восточной Европѣ, возлагаетъ очень большія надежды на евреевъ, но, надо полагать, ошибочныя. Какъ ни плохо живется евреямъ въ Россіи, это многострадальное гонимое племя продолжаетъ питать къ ней горячую любовь—можетъ-

быть, въ этомъ сказывается вѣра въ духовную мощь русскаго народа, вѣра, что, въ концѣ-концовъ, освободившись отъ пережитковъ, онъ справедливо разрѣшитъ всѣ національные вопросы.

Нѣмецкая колонизація въ западной Руси.

Въ предвидѣніи неизбѣжной и близкой войны съ Россіей, германское правительство усиленно содѣйствовало заселенію нашихъ западныхъ и южныхъ окраинныхъ областей нѣмецкими колонистами. Ошибки русскаго правительства, которое само неразумно содѣйствовало массовому привлеченію нѣмецкихъ пришельцевъ въ западный пограничный районъ и на югъ Россіи, создали благопріятную почву для онѣмеченія въ широкихъ размѣрахъ нашихъ окраинныхъ областей. Воспретивъ законами 10 іюля и 10 декабря 1865 года полякамъ и евреямъ пріобрѣтать земли въ западныхъ губерніяхъ, русское правительство одновременно съ тѣмъ признало правоспособными къ пріобрѣтенію земель въ этомъ краѣ нѣмецкихъ выходцевъ. Мало того, 18 декабря 1861 года оно издало правила, въ силу которыхъ нѣмецкіе колонисты освобождались отъ рекрутской повинности и отъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ. На ряду съ русскими поселенцами въ этомъ краѣ, нѣмцы получили рядъ льготъ и преимуществъ при покупкѣ недвижимой собственности: освобожденіе отъ крѣпостной пошлины и т. п. Правилами 5 и 23 марта 1846 года русское правительство организовало выдачу нѣмецкимъ колонистамъ изъ казны ссудъ на покупку польскихъ имѣній. Конфискованныя польскія имѣнія и казенныя земли въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ раздавались нѣмцамъ или на очень льготныхъ условіяхъ, или совсѣмъ даромъ. Помимо

того, значительныя средства затрачивались казною на поселеніе нѣмцевъ и устройство ихъ колоній. Такое своеобразное «обрусеніе» края было результатомъ переполненія нашихъ бюрократическихъ и административныхъ верховъ разными графами Адлербергами, Бергами и Коцебу.

Въ результатѣ такого отношенія русскаго правительства къ заселенію нашихъ западныхъ окраинныхъ областей нѣмцами было то, что въ 1871 году въ однѣхъ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, по свѣдѣніямъ этнографическо-статистической экспедиціи, снаряженной въ Западный край Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, числилось иностранныхъ поселенцевъ около 27.000 человѣкъ, при чемъ на одну Волынскую губернію приходилось безъ малаго 25.000 человѣкъ.

Послѣ франко-прусской войны наплывъ нѣмецкихъ поселенцевъ принялъ колоссальные размѣры и, когда въ 1875 году въ правительственныхъ сферахъ впервые зародилось сомнѣніе въ желательности такого онѣмеченія нашихъ западныхъ областей, по собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ даннымъ оказалось, что къ этому времени въ районѣ Юго-Западнаго края числилось уже 53.000 иностранныхъ колонистовъ, и имъ принадлежало 165.635 десятинъ. Въ 1881 году ихъ численность въ томъ же районѣ возросла до 103.000 человѣкъ и площадь земельнаго владѣнія обозначилась цифрою въ 522.717 десятинъ, а во всемъ западномъ пограничномъ краѣ (Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, а также въ Царствѣ Польскомъ) численность пришлаго германскаго элемента достигла внушительной цифры — около полумилліона человѣкъ.

Въ 1887 году вышелъ законъ, запрещающій иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать земли въ западной и юго-западной Россіи. Нѣмцы обошли этотъ законъ, принимая русское подданство. Мирное завоеваніе нашихъ окраинъ продолжалось. По даннымъ офиціальной статистики, опубликованнымъ въ «Ежегодникѣ Россіи» 1908 года, во всемъ пограничномъ районѣ оказывалось нѣмцевъ около 770 тысячъ, при чемъ главная масса ихъ приходилась на 2 пограничныя губерніи: Волынскую и Петроковскую. Въ Волынской губерніи девятнадцатую часть всего населенія составляли нѣмцы.

Въ высшей степени характерны нѣкоторыя детали этой колонизаціи. Въ Юго-Западномъ краѣ главная цѣпь нѣмецкихъ колоній вытянулась почти непрерывающейся цѣпью по стратегическимъ путямъ: Кіево-Брестскому шоссе, Полѣсскимъ и Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Еще болѣе характерный фактъ представляетъ то обстоятельство, что когда въ восьмидесятыхъ годахъ созданы были крѣпости въ Дубно, Ковно и Луцкѣ, то масса земель въ этомъ пограничномъ укрѣпленномъ треугольникѣ была тотчасъ скуплена нѣмцами и заселена колонистами изъ Германіи. На 10.000 десятинахъ, купленныхъ берлинской компаніей Вильгельмъ, Кене и Бергъ у князя Любомірскаго подлѣ крѣпости Дубно, образовался цѣлый нѣмецкій поселокъ Кенебергъ съ четырьмя тысячами колонистовъ и собственной желѣзной дорогой въ Дубно. Подобный же поселокъ основанъ былъ нѣмцами въ другомъ стратегическомъ пунктѣ — въ мѣстечкѣ Рожице, подлѣ луцкаго укрѣпленнаго лагеря и возлѣ чрезвычайно важнаго желѣзнодорожнаго моста въ рѣкѣ Стыри.

Когда въ тѣхъ же восьмидесятыхъ годахъ была построена первоклассная крѣпость въ Ковно, то въ городѣ и даже въ самомъ крѣпостномъ районѣ—между фортами, лагеремъ и желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Нѣманъ—нѣмцы изъ Германіи создали 10 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ работали до 2.000 человѣкъ—почти сплошь нѣмцы.

Нѣсколько фабрикъ и заводовъ основались тогда же въ самомъ городѣ, а вокругъ него и вокругъ крѣпости обосновались нѣмецкія колоніи.

Долгій опытъ показалъ, что нѣмецкіе поселенцы могутъ считаться русскими подданными только формально; на самомъ дѣлѣ, по политическимъ убѣжденіямъ, языку, обычаямъ и религіи они тяготѣютъ къ своимъ зарубежнымъ сородичамъ, при чемъ это тяготѣніе къ Германіи удерживается въ нѣмецкихъ колоніяхъ въ поколѣніе. Этому способствуютъ законъ о такъ называемомъ двойномъ подданствѣ и дѣятельность «шульферейновъ». Въ Германіи существуетъ законъ 1-го іюня 1870 г. «о двойномъ подданствѣ», по которому принятіе германскими подданными подданства другого государства не исключаетъ ихъ первоначальнаго и основного (германскаго) подданства. Законъ 1-го іюня 1870 года разрѣшаетъ принятіе чужого подданства, если это представляется кому-либо выгоднымъ, но этимъ подданство такого лица Германіи и связь его съ нею не прерывается, почему оно не освобождается отъ государственныхъ обязанностей передъ нею. Нѣмецкому колонисту, принявшему иностранное подданство, и, слѣдовательно, пользующемуся всей совокупностью правъ, составляющихъ привилегію этого подданства, достаточно разъ въ 10 лѣтъ выполнить пустую формальность—занести свое имя въ

особый реестръ у ближайшаго нѣмецкаго консула, чтобы оставаться съ точки зрѣнія германской власти вѣрнымъ и правомочнымъ подданнымъ германскаго императора.

Всего на-дняхъ совѣтъ министровъ по представленію министра внутреннихъ дѣлъ постановилъ исключить изъ русскаго подданства живущаго въ Мніевѣ, Сѣдлецкой губерніи, Карла Дроста и его трехъ дѣтей. Карлъ Дростъ, принявшій русское подданство, продолжалъ пользоваться правами прусскаго гражданина съ германскимъ паспортомъ. Кромѣ того, онъ числился въ запасѣ германской арміей и получалъ отъ прусскаго правительства пособіе въ размѣрѣ 39 рублей въ годъ. Воспретивъ Дросту вмѣстѣ съ исключеніемъ его изъ русскаго подданства навсегда пребываніе въ Россіи, совѣтъ министровъ призналъ, что одновременное состояніе въ русскомъ и иностранномъ подданствѣ заслуживаетъ особаго вниманія правительственной власти съ точки зрѣнія обезпеченія государственной безопасности въ пограничныхъ мѣстностяхъ, и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ предотвращенію на будущее время подобныхъ случаевъ.

Другимъ вѣрнымъ средствомъ къ удержанію нѣмецкихъ колонистовъ въ рукахъ германскаго правительства является дѣятельность школьныхъ союзовъ.

Одинъ изъ нихъ въ первой статьѣ своего устава такъ опредѣляетъ цѣль союза: «Цѣль союза сохранять Германіи ея сыновъ за границею и всѣми силами помогать нѣмцамъ оставаться нѣмцами, или, если они уже отчасти утратили свой національный характеръ, то помочь имъ его вернуть».

Въ 1912 году по бюджету германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на усиленіе средствъ нѣмецкихъ школъ за границею ассигновано было 1 милліонъ марокъ. Львиная доля этой ассигновки досталась нѣмецкимъ школамъ въ Россіи.

Въ 1907 году по иниціативѣ проповѣдника варшавскаго военнаго округа пастора Пальзы учреждено было «Общество поощренія нѣмецкой идеи въ русской Польшѣ». Въ воззваніи этого общества, подписанномъ пасторомъ Пальзою, провозглашалось, что союзъ имѣетъ цѣлью объединить лицъ, «чувствующихъ по-нѣмецки и любящихъ свою національность». По уставу, утвержденному правительствомъ, дѣйствительными членами правленія могли быть лишь нѣмцы русско-подданные, но иниціаторы союза приглашали германскихъ агитаторовъ вступить въ ихъ сообщество въ качествѣ членовъ-соревнователей.

Въ той же самой Варшавѣ нѣмецкій консулъ по порученію прусскаго министра разсылалъ предсѣдателямъ разныхъ Verein'овъ «Сборникъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ, изданный по собственному его императорскаго королевскаго величества государя и короля повелѣнію». Въ этомъ сборникѣ, конечно, подобраны были пѣсни, всецѣло отвѣчающія политическимъ планамъ германскаго императора.

Въ заключеніе позволю себѣ привести еще одинъ фактъ, устанавливающій тѣсныя сношенія нашихъ западныхъ нѣмецкихъ колоній съ германскимъ правительствомъ. Весною этого года въ русскихъ газетахъ появились корреспонденціи о томъ, что нѣмцы спѣшно продаютъ свои земли на Волыни и выселяются въ Германію. Корреспонденты, со словъ эмигрантовъ, объяснили эти массовыя выселенія поступившимъ пред-

ложеніемъ со стороны германскаго правительства занять земли, отчужденныя у познанскихъ поляковъ. По этому поводу я бесѣдовалъ съ однимъ польскимъ политическимъ дѣятелемъ во Львовѣ. «Это — неправда,—заявилъ онъ мнѣ.—Выѣзжаютъ изъ Россіи нѣмецкіе резервисты. Очевидно, дѣло пахнетъ войною». Онъ былъ правъ въ своемъ предположеніи.

Австрія и славяне.

Австрійское правительство и чехи.

Въ тѣ минувшія чуждыя благу народовъ времена, когда политика государствъ строилась исключительно на династическихъ интересахъ, и капризъ государя и его алчность или честолюбіе, являлись регуляторами международныхъ отношеній,—въ средней Европѣ создалось удивительное государство—конгломератъ народностей, чуждыхъ другъ къ другу и по языку, и по религіи, и по историческимъ государственнымъ правамъ. Это теперешняя Австро-Венгрія. По счастливому совпаденію обстоятельствъ, Габсбурги сдѣлались обладателями цѣлаго ряда коронъ: св. Венцеслава, св. Звонимира, св. Стефана и другихъ. Я сказалъ по счастливому совпаденію обстоятельствъ — да, только этимъ можно объяснить судьбу удивительнаго Габсбургскаго дома. На протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ владычества Габсбургской фамиліи въ Австріи, мы на австрійскомъ престолѣ, за исключеніемъ основателя этого дома Рудольфа Габсбурга и императора неудачника Іосифа II, не видимъ ни одного ярко даровитаго государя. *Пускай другіе воюютъ, ты же, Австрія, будь счастлива браками*—вотъ на чемъ выросло могущество Габсбургскаго дома.

До конца XVIII вѣка истинными хозяевами положенія дѣлъ въ государствахъ Европы были два со-

словія—дворянство и духовенство. Для того и другого класса народные національные интересы, въ сущности говоря, не имѣли никакого значенія. Они выдвигали ихъ на первый планъ только тогда, когда возникалъ у нихъ конфликтъ съ короною, когда нужно было заставить строптиваго государя пойти на уступки. Правда, въ средніе вѣка успѣло вырости и окрѣпнуть еще третье сословіе — горожане, но эти довольствовались пока Магдебургскимъ правомъ, большой политики сторонились и исключительно замкнулись въ своихъ торговыхъ и религіозныхъ интересахъ.

Когда европейскимъ государямъ стало ясно, что дворянство и духовенство грозитъ сдѣлать изъ нихъ маріонетокъ, они, опираясь на города, постепенно обратили бывшихъ непокорныхъ вассаловъ въ толпу придворной свиты, всецѣло зависящей отъ милости своихъ государей. Съ этого момента начинается усиленный ростъ абсолютизма. Абсолютизмъ попиралъ не только сословныя права, но и національныя, вѣрнѣе, совершенно не считался съ ними. Европу этого времени можно уподобить средневѣковому монастырю. За высокими стѣнами его гибла свободная мысль, задыхались народныя массы. 1783 годъ далъ первую трещину въ стѣнѣ этого монастыря-темницы, а послѣдующія событія развивающейся французской революціи скоро расширили трещину въ большой проломъ. Въ сраженіи при Вальми молодая армія республикански настроенной Франціи наноситъ первое пораженіе соединеннымъ войскамъ коалиціи, и великій германскій поэтъ Гёте пророчески восклицаетъ: «*Нынѣ наступила новая эра всемірной исторіи*». Онъ не ошибся. Побѣда при Вальми была первой побѣдой демократіи, и французскіе республиканцы въ

своемъ воззваніи къ массамъ имѣли полное право писать:

«Побѣдители подъ Вальми, Шпееромъ и Жеммапомъ, вы не дадите погибнуть спасенному вами отечеству. Ваше пораженіе обрекло бы міръ на трауръ и слезы. Европа простилась бы со свободой и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли бы надежды вселенной. Побѣда же ваша вызоветъ братство народовъ, они провозгласятъ васъ преобразователями міра, и въ лѣтописи исторіи не встрѣтится подвиговъ болѣе славныхъ, чѣмъ ваши дѣянія».

Прямымъ послѣдствіемъ великой французской революціи было то, что народныя массы зашевелились, на низахъ стала расти національная идея, послѣдовало національное возрожденіе и объединеніе нѣмецкаго и итальянскаго народовъ; пробудилась національная идея и сплотила широкія народныя массы въ Венгріи, въ Чехіи, въ Хорватіи. При содѣйствіи Россіи возродились, какъ государственныя единицы, Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія. Габсбурги увидѣли себя въ опасномъ положеніи. Пестрая австро-венгерская имперія затрещала по всѣмъ швамъ. Составляющія населеніе имперіи народности настойчиво требуютъ себѣ автономныхъ правъ, они ссылаются на свои давнія государственныя права, они ссылаются на историческія хартіи, подписанныя тѣми же Габсбургами. Не только историческія воспоминанія, но и реальные интересы текущихъ нуждъ побуждаютъ ихъ требовать себѣ независимаго существованія. Централизмъ имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ обнищаніе народныхъ массъ, ослабленіе экономическихъ силъ отдѣльныхъ королевствъ и земель, входящихъ въ составъ Австро-Венгерской имперіи. Къ какимъ

гибельнымъ результатамъ привела централистическая политика австрійскаго правительства земли того же Чешскаго королевства, даетъ понятіе прекрасная рѣчь чешскаго депутата Грегра, сказанная имъ въ свое время при обсужденіи въ австрійскомъ парламентѣ финансоваго закона. Я позволю себѣ привести наиболѣе выдающіяся мѣста этой рѣчи, такъ какъ въ нихъ впервые особенно выпукло была выражена необходимость отдѣленія Богеміи и другихъ чешскихъ земель въ самостоятельную государственную единицу.

Яростныя нападки всей австро-нѣмецкой, венгерской и германской печати на младочешскаго вождя за эту рѣчь, служатъ лучшимъ ей комментаріемъ и самымъ важнымъ показателемъ того, что стрѣла попала въ надлежащее мѣсто.

«Я и мои единомышленники,—указывалъ Грегръ,—подадимъ голоса противъ финансоваго закона. Мы поступимъ такъ, чтобы выразить глубокое негодованіе и недовѣріе чешскаго народа къ нынѣшней правительственной системѣ. Я не стану утверждать, какъ это сдѣлалъ однажды г. Пленеръ, что такого дурного правительства, какъ нынѣшнее, никогда въ Австріи не было. Было еще худшее правительство — именно то, которое состояло изъ сторонниковъ г. Пленера. Нынѣшній министръ-президентъ, какъ придворный человѣкъ, наноситъ чешскому народу удары ногами, обутыми въ лакированные сапожки, а прежніе централистскіе правители дѣлали то же, но въ деревянныхъ башмакахъ. Если г. министръ-президентъ обратится къ своей совѣсти,—предполагая, что у великихъ государственныхъ мужей имѣется вообще совѣсть,—то онъ долженъ сознаться, что чешскому народу онъ сдѣлалъ очень мало добра, зато вреда причинилъ

очень много. Изъ земель богемской короны государство извлекаетъ 185 милл. гульденовъ, а на нужды ихъ расходуетъ всего 67. Итакъ, изъ-за чести принадлежать Австріи мы платимъ ей ежегодно 118 милл. Да вѣдь эта такая дань, которую врядъ ли сталъ бы взимать и самый алчный завоеватель. Суммы, уплаченныя Богеміей государству за послѣднія 365 лѣтъ, не поддаются исчисленію. До своего возсоединенія съ Австріей Богемія была богатою, цвѣтущею страною, съ тѣхъ поръ благосостояніе ея стало падать, а нынѣ все ея населеніе, безъ различія національностей, изнемогаетъ подъ гнетомъ господствующей системы вымогательства и высасыванія соковъ. Если бы наши предки знали, что Богемія будетъ служить для Австріи лишь какимъ-то лимономъ, что ихъ потомки за свою національность будутъ подвергаться гоненіямъ, что королевство подвергнется разграбленію и что въ части раздробленной чешской земли чеховъ будутъ считать пришлымъ элементомъ,—то въ 1526 году выборъ ихъ палъ бы на другого короля. Мы живемъ нынѣ въ государствѣ, которое ничего иного въ Богеміи не видитъ, какъ только предметъ неладной эксплуатаціи...

«Если чешскій народъ такъ дорожитъ своимъ государственнымъ правомъ, то потому, что онъ глубоко убѣжденъ, что возстановленіе этого права приведетъ къ экономическому и финансовому возрожденію края. Какія послѣдствія самостоятельное бытіе влечетъ за собою, мы видимъ это въ Венгріи. Съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія свергла иго централизма, она пышно расцвѣла во всѣхъ областяхъ экономической жизни и представляетъ разительный контрастъ съ жалкимъ существованіемъ Цислейтаніи. Дѣло въ томъ, что федерализмъ есть свободное, многообѣщающее развитіе королевствъ

и земель, а централизмъ ведетъ къ упадку всѣхъ жизненныхъ силъ. Если бы еще это государство пеклось о культурныхъ и матеріальныхъ интересахъ народовъ. Съ 1879 года, съ тѣхъ поръ, какъ мы вновь вступили въ рейхсратъ, мы только и дѣлаемъ, что боремся изъ-за школъ. Развѣ не возмутителенъ фактъ, что въ Силезіи, въ краѣ, населенномъ на $^2/_3$ славянами, нѣтъ ни единаго славянскаго казеннаго средняго учебнаго заведенія. Подумаешь, что правительство только о томъ и думаетъ, какъ бы подготовить присоединеніе Силезіи къ Пруссіи. Лассаль сказалъ: «Задача и назначеніе государства—содѣйствовать культурному развитію народа. Это миссія государства, для этого оно существуетъ». Съ этой точки зрѣнія австрійское государство по отношенію къ чешскому народу своей задачи не исполнило, а потому въ глазахъ чеховъ оно давно уже утратило право на существованіе. Столѣтній опытъ доказалъ намъ, что ничего хорошаго ждать отъ Вѣны мы не можемъ. Большая часть чешскаго населенія чувствуетъ себя въ этомъ государствѣ до нельзя несчастною, чехи чувствуютъ, что они живутъ какъ бы въ имъ чужомъ, враждебномъ государствѣ, точно они въ плѣну вавилонскомъ, и поэтому не удивляйтесь, если желаніе избавиться отъ этого плѣна проникло уже въ нѣдра народа. Въ цѣпяхъ австрійскаго централизма не можетъ развиваться не только чешскій народъ, но вообще ни одинъ славянскій народъ, въ цѣпяхъ этихъ онъ чахнетъ, словно въ объятіяхъ вампира. Пусть не заблуждаются насчетъ дѣйствительныхъ чувствъ чешскаго народа.

«Чешскому народу приходится жить при ненормальныхъ, печальныхъ, вредныхъ условіяхъ. Нѣмецкому языку попрежнему оказывается предпочтеніе

о признаніи за чешскимъ языкомъ права офиціальнаго языка правительство и слышать не хочетъ. То же относится и къ войску. Если чехъ не знаетъ нѣмецкаго языка, онъ и до ефрейтора не дослужится. Нынѣшнее правительство и войско — самые яростные германизаторы. Мотивируется все это высшими государственными задачами, австрійскою государственною идеею. Но что такое собственно австрійская государственная идея? Каждое австрійское правительство понимаетъ ее по-своему. До Маріи Терезіи подъ этимъ выраженіемъ понимали федерализмъ, послѣ нея—централизмъ, до 1848 года — безусловный абсолютизмъ, потомъ, послѣ Сольферино, такъ называемый конституціонный централизмъ или иммерлингіанизмъ, наконецъ—дуализмъ, который сводится къ тому, что одна народность повелѣваетъ и угнетаетъ остальныя. Австрійская государственная идея есть не болѣе, какъ идея самыхъ руководящихъ дѣятелей. Въ настоящее время дѣятели эти противники славянскихъ національностей и австрійская государственная идея есть не болѣе какъ онѣмечить, придавить, разорить славянскія національности. Всякій разъ, какъ между нѣмецкимъ и славянскимъ элементами затѣвается борьба, правительство принимаетъ сторону перваго. Даже, когда Австрію выбросили изъ Германской имперіи, она не могла отказаться отъ своей славянофобской политики. Она заключаетъ самые противоестественные союзы съ исконнымъ врагомъ, конвульсивно цѣпляется за Германскую имперію, ставитъ на карту самое существованіе государства и все это лишь изъ чувства ненависти къ славянству и изъ нѣмецкаго фанатизма.

«Ссылки на необходимость единства государственной власти и т. п. тоже не болѣе какъ пустыя фразы

Если бы дѣйствительно интересъ австрійскихъ народовъ требовалъ главенства нѣмецкаго языка, то правами офиціальнаго внутренняго языка не пользовались бы ни мадьярскій языкъ въ Венгріи, ни польскій въ Галичинѣ, ни итальянскій въ южномъ Тиролѣ, ни хорватскій въ Хорватіи. Отчего это чешскій языкъ не пользуется такимъ же правомъ въ Богеміи? Вѣдь и Богемія—составная часть имперіи. Чтобы, однако, не предпринимали, чешскій народъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своему государственному праву. Право это основано на органическомъ договорѣ, заключенномъ богемскимъ королевствомъ въ качествѣ свободнаго выборнаго королевства, съ династіей и договоръ этотъ является единственнымъ юридическимъ документомъ, на который можетъ сослаться династія. Непризнаніе этого договора должно порвать всякую правовую связь между Богеміей и династіей. Венгерцы добились независимости и самостоятельности на основаніи ихъ государственнаго права, а потому справедливость требуетъ, чтобы и чехи на основаніи своего государственнаго права пользовались такою же независимостью и самостоятельностью. Въ тронной рѣчи 1879 года признано было, правда, государственное право Богеміи, но 27 октября 1889 года графъ Таафе прямо заявилъ, что онъ не возьметъ на себя дать императору совѣтъ короноваться въ Прагѣ. Послѣ этого чешскимъ депутатамъ слѣдовало обернуться спиною къ графу Таафе, но этого они не сдѣлали, и поднесь, вѣроятно, сладко бы дремали въ его нѣжныхъ объятіяхъ, если бы ихъ не разбудилъ, притомъ нѣсколько грубовато, самъ чешскій народъ. Свой государственно-правовой договоръ чешскій народъ не заключалъ ни съ гр. Таафе ни съ австрійскимъ правительствомъ, а исключительно

съ августѣйшимъ Габсбургскимъ домомъ, а потому онъ никому, даже австрійскому парламенту, не позволитъ вмѣшиваться въ дѣло, касающееся исключительно короля и его Богемскаго королевства.

«Надѣются путемъ всякихъ интригъ и проволочекъ утомить чешскій народъ, заставить его забыть о своемъ правѣ. Тщетныя усилія. Новое поколѣніе чешскаго народа выросло въ сознаніи своего права, а поколѣніе оппортунистовъ мало-по-малу сходитъ въ могилу. Что же собственно замышляетъ австрійское правительство противъ чешскаго народа? Не собирается ли оно двинуть противъ насъ пушки? Но мы ихъ не боимся. Къ оружію вѣдь мы не прибѣгнемъ, у насъ есть другое средство — избирательные бюллетени, а бюллетени это такое оружіе, которое свергало и гораздо болѣе сильныя правительства.

«Въ свое время намъ говорили: ждать! Но вѣдь мы ждали цѣлыя тридцать лѣтъ, а можетъ ли ждать еще тридцать лѣтъ австрійское правительство? Въ рѣшающій моментъ неудовольствіе его народовъ можетъ имѣть для него роковыя послѣдствія. Самое сильное оружіе, не исключая манлихеровскихъ ружей, окажется тупымъ и недѣйствительнымъ, если тотъ, кто имъ владѣетъ, чуждъ энтузіазма. Вмѣсто того, чтобы расположить къ себѣ чешскій народъ, австрійское правительство какъ бы поставило себѣ задачу — возбуждать въ немъ ненависть. Настанетъ день, когда придется сводить счеты, и итти навстрѣчу такому дню неблагоразумно. Было бы лучше заключить миръ съ народами этого государства: и мира можно достигнуть легко и скоро, потому что въ основу его должно быть положено только право и справедливость».

Такъ характеризовалъ чешскій депутатъ политику австрійскаго правительства къ одной изъ самыхъ богатыхъ областей Габсбургской короны.

Въ чемъ чехи видятъ осуществленіе правъ святовацлавской короны, даетъ объясненіе брошюра Эдуарда Грегра «Разъясненіе нашихъ домашнихъ споровъ» «O objasnêni nâsich domacich sporû» стр. 22).

Вотъ какъ онъ формулировалъ ихъ:

1) Король обязанъ хранить цѣлость чешской короны, съ которой неразлучны Моравія и Силезія.

2) Земли чешской короны не состоятъ съ другими землями ни въ какой связи, кромѣ общаго правителя.

3) Царствующая династія правитъ чешскимъ народомъ единственно на основаніи взаимнаго договора.

4) Чешскій народъ имѣетъ право избрать новаго государя по прекращеніи нынѣ царствующаго дома.

5) Чешскому сейму принадлежитъ право управленія, законодательства, опредѣленія даней и созыва сейма.

6) Никто не имѣетъ права безъ согласія чешскаго народа включать Чехію въ новое государственное тѣло, какимъ является Цислейтанія.

Изъ текста этихъ шести пунктовъ можно видѣть, что чехи въ своихъ требованіяхъ не идутъ дальше того, что уже дано венгерцамъ. Но Габсбурги, признавъ государственное право Венгріи и возстановивъ корону св. Стефана, не хотятъ осуществить въ такой же мѣрѣ справедливыхъ требованій чешскаго народа. Не хотятъ только потому, что эта уступка повлекла бы за собою возстановленіе государственныхъ правъ хорватскаго народа, т.-е. отдѣленіе земель короны св. Звонимира отъ земель короны св. Стефана. Венгры—

нація небольшая, да и къ тому же вырождающаяся, венгры не могутъ помѣшать претворенію австрійскихъ народностей въ нѣмецкую національность, тогда какъ возстановленіе государственныхъ правъ славянскихъ народовъ явилось бы, въ концѣ-концовъ, преобразованіемъ Австріи въ федеративное государство, гдѣ истинными господами въ союзномъ совѣтѣ явились бы славяне въ силу ихъ численнаго преобладанія надъ другими народностями Австро-Венгріи. При такихъ условіяхъ и рѣчи быть не можетъ о дальнѣйшемъ онѣмеченіи славянскихъ народовъ. Напротивъ, много вѣроятія, что, разбросанные въ массѣ славянскаго населенія, нѣмецкіе островки растаяли бы въ самое короткое время. Габсбурги—нѣмецкая династія, Габсбурги—бывшіе германскіе императоры, они не хотятъ стать государями федеративной Австріи, не хотятъ сдѣлаться государями славянской державы. Это претитъ ихъ нѣмецкимъ чувствамъ, это претитъ давнимъ традиціямъ древняго владѣтельнаго германскаго дома. *Лучше быть часовымъ во дворцѣ германскаго императора, чѣмъ государемъ славянскимъ*, — убѣжденно говоритъ Францъ-Іосифъ. Были моменты, когда подъ давленіемъ тревожныхъ опасеній, вслѣдствіе растущихъ въ славянахъ симпатій къ Россіи и ихъ надеждъ на нее, онъ готовъ былъ пойти на уступки, онъ даже соглашался короноваться короной св. Венцеслава, но Гогенцоллернъ протянулъ ему руку, предложилъ вступить въ тройственный союзъ, и императоръ Францъ-Іосифъ поспѣшно ухватился за нее. Теперь онъ можетъ избѣгнуть коронованія чешской короной, теперь онъ можетъ нарушить свое обѣщаніе. Это въ обычаѣ такихъ помазанниковъ Божьихъ, какими являются Габсбурги; они не считаютъ себя обязанными исполнять свои

обѣщанія, были ли они выражены ими въ рѣчи, произнесенной въ публичномъ собраніи, или даже закрѣплены на бумагѣ въ формѣ манифеста.

Прежніе вѣрные союзники и опора австрійскаго престола — дворянство и духовенство — потеряли свое былое значеніе и вліяніе, это очень слабыя подпорки Габсбургскому трону, тысячеголовая гидра демократіи безъ труда разнесетъ такія тонкія подпорки. Въ рукахъ Габсбурговъ, достойныхъ воспитанниковъ іезуитскаго ордена, было еще одно хорошее, испытанное вѣками, средство противъ растущихъ требованій демократіи, противъ накопляющихся претензій австрійскихъ славянъ—проведеніе въ жизнь формулы: *divide et impera* («раздѣляй и властвуй»), но славяне и къ этому средству до извѣстной степени уже примѣнились. Послѣдней надеждой являются вѣрные нѣмцы—вотъ на кого можетъ еще опереться Габсбургскій домъ. Нѣмцы, это—цементъ конгломератной имперіи. Правда, нѣмцы не могутъ противопоставить историческимъ правамъ и государственнымъ хартіямъ славянскихъ народовъ равной цѣны свои историческія права, но зато у нихъ имѣется большой запасъ наглости, которая еще въ 1848 году на франкфуртскомъ съѣздѣ дала возможность Шиллингу провозгласить необходимость укрощенія чеховъ мечомъ; эта же наглость даетъ возможность открыто смѣяться надъ такъ называемыми правами чешскаго королевства, заявлять чехамъ, что историческое право нѣмцевъ на Чехію *и старѣе и проще туманныхъ правъ чешской короны*, что нѣмцы никогда не признаютъ чешскаго права и могутъ его не признать не только въ виду его туманности, но и въ силу единства всѣхъ нѣмцевъ Австріи, въ силу правъ своего народнаго меньшинства, кото-

рыя признаются закономъ и, слѣдовательно, должны быть законно обезпечены.

Нужно ли говорить о томъ, что всѣ протесты австрійскихъ нѣмцевъ противъ признанія правъ славянскихъ народностей Австріи встрѣчаютъ самый живой откликъ въ германской прессѣ. Какъ на весьма характерный выпадъ прусской печати, я укажу на статью, помѣщенную въ Берлинской «National Zeitung», въ номерѣ отъ 20 декабря 1891 года по поводу энергическаго выступленія чешскихъ депутатовъ Грегра, Герольда, Вашатаго и другихъ младочеховъ противъ пислейтанизма во имя преданій и правъ чешскаго королевства. Въ громовой статьѣ почтенная нѣмецкая газета, указывая чехамъ на якобы гибельныя для нихъ послѣдствія дѣятельности Гусса, грозитъ затопить Чехію волнами германизма, если она впредь осмѣлится колебать основы Австріи, возставая противъ такой исторической и географической необходимости, какъ гегемонія нѣмцевъ и мадьяръ. «*Будучи рабскимъ народомъ*,—заканчиваетъ газета словами одного нѣмецкаго поэта, — *какое право имѣютъ славяне потрясать свою взъерошенную каріатидную голову!*»

И каждый разъ, когда одна изъ этихъ каріатидныхъ головъ осмѣливалась обнаружить свою жизненность, даже самые выдающіеся нѣмецкіе писатели и ученые теряли присущее имъ флегматичное спокойствіе и съ изступленной запальчивостью позволяли себѣ выкрики, ясно свидѣтельствующіе объ убожествѣ ихъ нравственнаго чутья. Тотъ же знаменитый Моммзенъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ Германіи, въ 1897 году, когда въ Богеміи признана была администраціей равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ, позволилъ себѣ взывать къ австрійскимъ нѣм-

цамъ, приглашая ихъ *силою втемяшивать нѣмецкую культуру въ тупыя чешскія башки!* Не менѣе его извѣстные Марксъ и Лассаль отказываются признать славянъ за самостоятельныя націи, а считали ихъ только *навозомъ (Düngеr) для нѣмцевъ, за расы, имѣющія одно право: быть ассимилированными великими культурными націями.*

Этимъ голосамъ великихъ нѣмцевъ вторятъ хоры менѣе видныхъ нѣмецкихъ писателей и ученыхъ. Когда нѣмцы убѣдились, что Чехія безвозвратно утрачена ими и національное возрожденіе чешскаго народа перекинулось и въ Моравію, они приняли самыя настойчивыя мѣры къ тому, чтобы направить нѣмецкую колонизацію на Штернберкъ, Олемуцъ и Брно, создать изъ этихъ пунктовъ вторую линію нѣмецкихъ постовъ и тѣмъ отрѣзать чеховъ отъ остального славянства. На комершѣ въ Брнѣ Хлумецкій заявилъ: «*Брно исполняло въ теченіе вѣковъ великую историческую миссію. Какъ столица маркграфства Моравскаго, оно служило прекраснѣйшимъ передовымъ постомъ германизма противъ славянства... Если бы славянскій валъ захватилъ Моравію и Брно, федерація сдѣлалась бы въ Австріи неотразимой; какъ только Моравія очутится въ рукахъ славянъ, мы будемъ совсѣмъ отрѣзаны отъ того пункта, къ которому тяготѣемъ теперь: на мѣсто Вѣны станетъ Прага*». Другой нѣмецкій вождь въ 1885 году заявилъ: «*Чтобы удержать Моравію въ своихъ рукахъ, мы не испугаемся и революціи*». Нѣмецкимъ депутатамъ вторилъ и самъ гр. Таафе, авторитетно сказавшій въ Вѣнскомъ парламентѣ: «*Невозможно допустить, чтобы Моравія сдѣлалась славянскою*». На заявленіе Эдуарда Грегра, что «чешскія народныя чаянія осуществятся тогда, когда звонъ святовитскихъ колоколовъ возвѣ-

стить чешскому народу, что его государь возложилъ на себя свято-вацлавскую корону», нѣмецъ Шмейкаль далъ отвѣтъ, встрѣченный бурнымъ сочувствіемъ всѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ: «*Противъ правъ чешской короны мы будемъ бороться до послѣднихъ силъ во имя единства всѣхъ нѣмцевъ въ Австріи. Наша цѣль — раздѣленіе округовъ по народностямъ, раздѣленіе верховнаго земскаго суда, школьнаго и земледѣльческаго земскихъ совѣтовъ, а въ заключеніе и раздѣленіе сейма, т.-е. законное подтвержденіе принципа національной раздѣльности въ Чехіи*».

Исходя изъ такихъ требованій, нѣмецкіе чехи досего времени старательно выводятъ на вершинахъ чешскихъ горъ надписи: *Auf ewig deutsch.*

Такое отношеніе нѣмцевъ къ справедливымъ требованіямъ чеховъ, конечно, дало полное право чешскому депутату Вататому заявить, что Австрія и славяне — два понятія, рѣшительно исключающія другъ друга.

«*Мы знаемъ, когда государство и правительство австрійское признаютъ чешское государственное право,* — указалъ въ общественномъ собраніи клуба младочешской партіи адвокатъ Черногорскій. — *Это будетъ передъ войной съ Россіей. Но тогда въ требованіяхъ нашихъ мы будемъ непоколебимы, не уступимъ ни единой пяди, и правительство австрійское должно будетъ выплатить сполна весь счетъ, хотя бы даже предсѣдательствовалъ у нихъ самъ Пленеръ*».

Черногорскій ошибся: даже передъ войной съ Россіей австрійское правительство не пошло навстрѣчу требованіямъ чеховъ.

Назначеніе Австріи.

Истинныя намѣренія австрійскихъ нѣмцевъ, ихъ взглядъ на славянъ и другія народности имперіи лучше всего раскрываетъ намъ статья нѣмецкаго соціолога Карла Енча «Назначеніе Австріи».

«Турки, — говоритъ онъ, — несмотря на всѣ свои прекрасныя качества, которыя многихъ приводятъ въ восхищеніе, все-таки вымирающій народъ, и Турецкая имперія, вопреки всѣмъ усиліямъ сохранить ее, неудержно клонится къ своей погибели. Катастрофа можетъ быть отсрочена на нѣсколько десятковъ лѣтъ, но она должна непремѣнно случиться, и тогда судьба рѣшитъ, русское ли варварство осилитъ турецкое и закроетъ для западной культуры Балканскій полуостровъ и Анатолію, или же Австрія станетъ повелительницей на Золотомъ Рогѣ. Австрія—это значитъ, нѣмцы, такъ какъ она во что бы то ни стало должна остаться нѣмецкимъ государствомъ. Къ несчастію или къ счастію для нѣмцевъ, судьба распорядилась такъ, чтобы они образовали два государственныхъ центра, съ двумя прочно укоренившимися династіями. Когда, въ концѣ-концовъ, получилось одно тѣло съ двумя головами, то не оставалось ничего иного, какъ произвести рѣшительную операцію, чтобы сдѣлать жизненными обѣ половины. Однако, придетъ время, когда обѣ эти половины опять соединятся. Въ самомъ дѣлѣ, было бы смѣшно, если бы австрійскіе нѣмцы не стремились къ соединенію съ Германіей. Неужели же Германская имперія оттолкнетъ отъ себя десять милліоновъ нѣмцевъ и ограничится своими теперешними предѣлами съ невозможными военными границами? Неудобное нынѣшнее положеніе, естественно, повело къ образованію военнаго австро-германскаго союза...

Послѣ того, какъ на ходъ событій были наложены оковы кабинетной политики, нельзя уже, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время думать о революціонномъ рѣшеніи нѣмецкаго вопроса, потому что Гогенцоллерны, бюрократія и большинство протестантовъ въ Германіи пока не хотятъ усилить своихъ рядовъ присоединеніемъ славянъ и нѣмцевъ-католиковъ, какъ того не хотѣлъ самъ Бисмаркъ... Пока наши австрійскіе братья должны справляться сами со своими противниками... И справятся съ ними!

«Если австрійскіе нѣмцы до сихъ поръ были довольно лѣнивы, чтобы играть подобающую имъ политическую роль, то они будутъ принуждены въ борьбѣ за существованіе къ выполненію этой роли. Никакими усиліями не удастся преодолѣть живыя силы и измѣнить естественный ходъ вещей. Каковы же эти силы въ Австріи и вообще на юго-востокѣ Европы?.. Положеніе дѣлъ теперь таково: ни одна изъ мелкихъ національностей на юго-востокѣ Европы не имѣетъ своей собственной культуры: всѣмъ, что у нихъ въ этомъ отношеніи есть, онѣ обязаны нѣмцамъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ есть свои художники и поэты, но нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы міровое значеніе. Если бы погибла у западныхъ и южныхъ славянъ и у мадьяръ вся научная литература, наука не потеряла бы отъ этого ничего. Если же, наоборотъ, исчезла бы нѣмецкая научная литература, то всѣ эти національности, вмѣстѣ взятыя, не были бы въ состояніи создать университетъ, который бы заслуживалъ этого названія... Славянинъ и мадьяръ безъ знанія нѣмецкаго языка совершенно отрѣзаны отъ ближайшаго центра культуры вообще и отъ возможности подняться до высшихъ слоевъ общественности. Ни

одна изъ мелкихъ австрійскихъ національностей не въ состояніи образовать самостоятельнаго государства, потому что она, независимо отъ низкаго уровня культуры, или слишкомъ мала, или же не имѣетъ рѣзко обозначенныхъ границъ, или же, наконецъ, страдаетъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Соединенныя же въ одно государство, онѣ могутъ развивать свою политическую жизнь только подъ нѣмецкимъ руководствомъ, и не потому только, что нѣмцы умѣютъ властвовать и править, но также и потому, что безъ нѣмецкаго языка славяне не смогутъ обойтись. Если славяне держатъ военный совѣтъ, чтобы сговориться относительно плана нападенія на Германію, они должны пользоваться ненавистнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣмецкое господство, которое вѣдь можно сдѣлать незамѣтнымъ для обидчивыхъ славянъ, льстя ихъ самолюбію поощреніемъ ихъ дробныхъ литературъ и якобы культуръ, есть условіе жизни для славянъ, и что эти послѣдніе, если они освободятся отъ этого ига, будутъ просить, какъ счастія, возстановленія его. То же самое относится и къ мадьярамъ. Въ своемъ собственномъ государствѣ они находятся въ меньшинствѣ. Опредѣляя ихъ число въ семь съ половиной милліоновъ, офиціальная статистика сильно преувеличиваетъ, потому что среди нихъ много, такъ сказать, мадьяръ по необходимости, т.-е. мадьяризованныхъ русскихъ, словаковъ, хорватовъ, нѣмцевъ, съ которыхъ тотчасъ же спадетъ мадьярская окраска, какъ только прекратится гнетъ. Дни же этого гнета сочтены. Мадьяры, подобно французамъ, — вымирающая нація: число ихъ постепенно таетъ; этимъ только и объясняется мадьяризаторская горячка: безъ ея преходящихъ успѣховъ несоразмѣр-

ность, что на девятнадцать съ половиной милліоновъ жителей Венгріи приходится только пять милліоновъ чистокровныхъ мадьяръ, прямо-таки бросается въ глаза. И факты говорятъ, что скоро наступитъ конецъ этой насильственной мадьяризаціи. Это сказывается даже среди словаковъ, не говоря уже о хорватахъ, а въ особенности о стойкихъ и стоящихъ на такой высокой степени цивилизаціи венгерскихъ нѣмцахъ. Еще задолго до появленія мадьярскаго шовинизма сами мадьяры уже предвидѣли, что ихъ языкъ не можетъ играть роли государственнаго языка, и пользовались до середины XIX вѣка латинскимъ, какъ государственнымъ. Изгоняя нѣмецкое, мадьяры наносятъ себѣ моральный и интеллектуальный вредъ и тѣмъ самымъ ускоряютъ процессъ, который ведетъ къ сокрушенію ихъ господства. Сами нѣмцы виноваты, что мадьяры подняли такъ высоко голову. Во всякомъ случаѣ, императоръ Францъ-Іосифъ самъ лично положилъ основаніе дуализму, давъ 1876 году Венгріи автономію, а нѣмецкіе либералы, которые были у кормила правленія по сю сторону Литвы (Лейты), оказали содѣйствіе этому преобразованію: они охотно отдали мадьярамъ транслейтанскую половину монархіи, чтобы безъ помѣхи господствовать въ Цислейтаніи. Они пошли еще дальше: они отдали Галицію польской шляхтѣ и дали ей нѣсколько мѣстъ въ парламентѣ, чѣмъ, конечно, лишили возможности австрійскихъ нѣмцевъ образовать большинство въ цислейтанскомъ парламентѣ. Шляхту должно было посадить на плечи мадьярамъ, присоединивъ Галицію къ Венгріи, на которой она уже и такъ сидитъ на географическихъ картахъ... Всѣмъ, что производитъ Венгрія въ сельскомъ хозяйствѣ, она обязана нѣм-

цамъ и евреямъ, но даже и съ ихъ помощью не могло венгерское правительство, несмотря на всѣ усилія и несправедливыя поблажки, насадить крѣпкую и жизненную капиталистическую промышленность... Отсюда видно, что мадьярамъ нехватаетъ основъ болѣе высокой культуры. Со своими призрачными политическими добродѣтелями они даже сами не могутъ стать культурнымъ народомъ, не говоря уже о насажденіи ими культуры среди балканскихъ племенъ. Это можетъ сдѣлать только нѣмецъ; и подъ давленіемъ неотразимаго хода событій австрійскій нѣмецъ волей-неволей долженъ будетъ взять на себя эту задачу. Онъ призванъ въ качествѣ піонера проложить дорогу германскимъ нѣмцамъ къ ихъ колонизаціонной области въ Передней Азіи».

Вотъ вамъ взглядъ нѣмцевъ на ихъ политическую роль въ Австро-Венгерскомъ государствѣ. Возможно ли при такихъ условіяхъ надѣяться на то, что въ недалекомъ будущемъ сосѣдняя съ нами имперія можетъ преобразоваться въ федеративное государство, въ которомъ славянскія народности найдутъ осуществленіе своихъ историческихъ правъ?

Я позволю себѣ сослаться еще на одного нѣмецкаго писателя г. Самасси, автора брошюры «Der Völkerstreit im Habsburgerstaat» («Національная борьба въ Габсбургской имперіи). Авторъ брошюры выступаетъ противникомъ идеи соединенія нѣмецкихъ областей Австріи съ Германіей. Такое соединеніе, по его мнѣнію, отвлекло бы австрійскихъ нѣмцевъ отъ ихъ главной задачи—послужить общенѣмецкому дѣлу путемъ усиленія нѣмецкаго вліянія въ самой Австро-Венгріи. Авторъ — рѣшительный противникъ федерализма въ имперіи Габсбурговъ. Торжество федерализма — гово-

ритъ онъ — было бы концомъ теперешней Австріи. Расчлененная на автономныя области, монархія Габсбурговъ никогда бы не стала нѣмецкою, такъ какъ въ большинствѣ этихъ областей нѣмцы оказались бы въ меньшинствѣ, не обладающемъ никакими правами, а въ союзномъ совѣтѣ ихъ не смогли бы успѣшно бороться съ болѣе многочисленными представителями поляковъ, чеховъ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ и мадьяръ. Если бы мечты австрійскихъ федералистовъ осуществились—указываетъ Самасси,—Австрія приняла бы характеръ славянскаго государства. Такая федерація никогда бы не встрѣтила сочувствія въ Германіи; напротивъ, въ Россіи, къ преобразованію Австріи отнеслись бы благосклонно. Въ томъ же случаѣ, если въ Австріи будетъ преобладать нѣмецкое вліяніе, Россія будетъ стремиться оторвать отъ Австріи польскія земли и создать изъ Чехіи и южныхъ славянскихъ народностей въ Австро-Венгріи отдѣльное государство, которое явилось бы славянскимъ оплотомъ противъ нѣмцевъ. Считаясь съ такою опасностью, Самасси предлагаетъ крайнюю централизацію, сокращеніе всякихъ автономныхъ уступокъ ненѣмецкимъ народностямъ. Онъ сожалѣетъ, что сейчасъ Германія не можетъ анексировать всей имперіи, потому что ей пришлось бы имѣть много хлопотъ съ не нѣмецкими народностями, а кромѣ того, это закрыло бы Германіи дорогу на Балканскій полуостровъ, укрѣпиться на которомъ она можетъ только лишь черезъ посредство Австріи. Г. Стояновичъ совершенно вѣрно указываетъ въ своей статьѣ: «Общеславянскій языкъ», что «сила нѣмецкаго меньшинства въ Австріи не въ нѣмецкомъ языкѣ, а въ Германской имперіи и въ единствѣ политическихъ цѣлей всѣхъ нѣмцевъ,

гдѣ бы они ни были. Германіи нужна именно такая Австрія, а славянскую Австрію, гдѣ бы нѣмцы играли подчиненную роль, она никогда не потерпитъ. Нѣмцы въ Австріи не боятся вызвать какой-нибудь кризисъ, ибо увѣрены, что Берлинъ возьметъ въ свои руки ихъ судьбу и не пойдетъ ни на какіе компромиссы въ этомъ ни съ какой другой державой. Они вполнѣ увѣрены, что Германія дастъ имъ гораздо больше гарантіи господства надъ славянами и что безъ крайней нужды она ни одной пяди не уступитъ славянамъ, подчиненнымъ Австріи. Они увѣрены, что Германія возьметъ въ свои руки и ту задачу, которую вершитъ теперь Австрія на Балканскомъ полуостровѣ, если бы послѣдняя оказалась не въ силахъ совершить ее, подобно тому, какъ взяла въ свои руки малую Азію».

Нужно обладать большимъ запасомъ оптимизма, чтобы, считаясь съ отношеніемъ австрійскихъ нѣмцевъ къ славянамъ имперіи, съ вассальнымъ положеніемъ ея относительно сосѣдней могущественной Германіи, стремящейся въ будущемъ къ возстановленію имперіи Оттоновъ, надѣяться на возможность превращенія Австріи въ федеративное государство, представляющее собою лѣвое крыло славянскаго міра. Тотъ же Палацкій, провозглашавшій въ 1848 г. необходимость существованія Австріи, въ 1872 г. въ Doslov'ѣ писалъ: «*Историческія событія съ 1848 г. по 1866 г. съ очевидностью доказали, что, какъ вообще у славянъ австрійскихъ, такъ у чеховъ въ особенности, идея федеративнаго ихъ соединенія подъ наслѣдственной властью укоренилась въ мысляхъ всего народа такъ глубоко, что къ осуществленію и сохраненію ея они охотно принесутъ всякаго рода тяжелыя жертвы.* Не знаю, будутъ

ли еще всегда къ тому готовы и послѣ паденія системы Гогенварта—я почти въ этомъ сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, послѣ столькихъ обманутыхъ надеждъ, при ежедневно растущихъ преслѣдованіяхъ, было бы противоестественно, если бы они все еще желали помогать исконнымъ своимъ угнетателямъ вылѣзать изъ бѣды, въ которую они скоро попадутъ; въ этомъ я достаточно убѣжденъ. Я сказалъ, что не вѣрю въ великое будущее Австріи, особенно съ той поры, какъ нѣмцы и мадьяры создали изъ нея грубую племенную деспотію; въ такомъ случаѣ вопросъ, что вообще будетъ со славянами, до сего времени австрійскими, и особенно съ чехами, не лишенъ въ этомъ отношеніи важности. Не пускаясь во всякаго рода возможности, коихъ никому изъ смертныхъ нельзя предвидѣть, съ полнымъ убѣжденіемъ скажу только, что чехи, какъ народъ, попади они въ совершенное подчиненіе или подданство русскаго или прусскаго государства, никогда бы не были довольны своей судьбой. Они никогда не забыли бы, что по исконному праву они имѣютъ быть подданными лишь самимъ себѣ, т.-е своему собственному правительству, своему собственному государю. Пруссаковъ за ихъ германизаціонную фурію они могли бы считать лишь за главныхъ непріятелей и враговъ своей народности. *Что же касается русскихъ, то было бы совершенно наоборотъ. Имъ, какъ единокровнымъ родичамъ, друзьямъ и пособникамъ своимъ, чехи стали бы наивѣрнѣйшими, не подданными, но союзниками, а когда бы понадобилось, и передовымъ ихъ полкомъ въ Европѣ».*

Въ такую формулу подъ вліяніемъ горькой дѣйствительности вылились окончательные мечты Палацкаго о судьбѣ его страждущаго народа. Эта была по-

слѣдняя эволюція его политической мысли, это былъ дѣйствительный отказъ отъ девиза о необходимости Австріи, за который онъ такъ усердно и долго ратовалъ. Стоя на рубежѣ могилы, онъ понялъ, въ какой мѣрѣ являются несбыточными всѣ надежды на австрославизмъ, а въ это же время то обстоятельство, что туманъ деспотизма на Руси началъ разсѣиваться, что появились первые проблески зарождающейся свободы общественности, подсказывало ему возможность осуществленія свободы чешскаго народа другимъ путемъ. Въ эти дни, вѣроятно, пришло на память Палацкому и то пророчество, которое давно живетъ среди чешскихъ поселянъ, о томъ, что *чешскому народу тогда только станетъ хорошо, когда казацкій конь напьется воды изъ Влтавы* [1]) («Že českemu národu teprve potom bude dobře, až Kasácký kůn nápije se vody z Yeltavy»).

Мефистофель на Балканахъ.

Послѣ того, какъ Савойскій домъ объединивъ Италію, навсегда положилъ предѣлъ попыткамъ Габсбурговъ утвердить свое господство на Апеннинскомъ полуостровѣ, взоры австрійскаго правительства жадно устремились на югъ—въ сторону Эгейскаго моря. Утвержденіе протектората надъ Сербскимъ королевствомъ и захватъ Старой Сербіи и Македоніи стали завѣтною цѣлью австрійской политики.

Для осуществленія этой мечты пущены въ ходъ всѣ средства, и нѣтъ пріема, нѣтъ преступленія, передъ которыми остановилось бы это поистинѣ іезуитско-макіавелліевское правительство. Австрійскій депутатъ чехъ Клофачъ имѣлъ полное право въ засѣданіи австрійскаго парламента въ 1903 году бросить негодую-

---

[1]) Рѣка Молдава, на ней стоитъ г. Прага.

щій протестъ австрійскому правительству, заявивъ ему, что австрійская дипломатія играетъ въ балканскихъ смутахъ наипозорнѣйшую роль, какую когда-либо знала исторія.

«Я могу прямо сказать,—говорилъ онъ,—что нѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ ни одной низости, въ которой не была бы замѣшана Австрія, нѣтъ ни одного политическаго убійства, которое не имѣло бы австрійской подкладки, нѣтъ ни одного волненія, съ которымъ не была бы тѣсно связана Австрія. Гдѣ ручьями льется неповинная кровь человѣческая, гдѣ душатъ другъ друга доселѣ дружно жившіе сосѣдніе народы, гдѣ совершаются, въ возбужденіи, необдуманные поступки, влекущіе за собой ужасныя послѣдствія,—тамъ не ищите именъ, приводимыхъ газетами, но всегда, повторяю, всегда и неизмѣнно — Австрію, ея интриги, ея хитро скрытое подстрекательство, ея агентовъ, которыми кишитъ весь Балканскій полуостровъ. И въ нынѣшнемъ македонскомъ движеніи нельзя усматривать только борьбу македонско-болгарской интеллигенціи съ Турціей. За игорнымъ столомъ сидитъ кто-то другой: отвратительный Мефистофель — Австрія.

«Я скажу безъ обиняковъ: какъ человѣкъ, я стыжусь, что принадлежу къ тому государству, которое совершило столько безчеловѣчнаго на Балканахъ! Все зло на Балканахъ — дѣло рукъ австро-венгерской политики, которая начинается еще въ XVII вѣкѣ, но становится болѣе ясной только съ невесинскаго возстанія, въ 1875 году».

Закулисная работа передъ невесинскимъ возстаніемъ была первымъ агрессивнымъ выступленіемъ австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Когда австрійское правительство узнало о томъ, что въ Неве-

синьѣ подготовляется возстаніе противъ турокъ и что герцеговинскіе вожди ведутъ переговоры съ черногорскимъ княземъ, оно тотчасъ же рѣшило использовать эти событія въ своихъ интересахъ. Въ началѣ марта императоръ Францъ-Іосифъ отправился въ Далмацію и Боку Которскую. Одновременно съ этимъ, австрійскіе агенты наводнили герцеговинскія села и стали убѣждать наиболѣе видныхъ сербовъ итти въ Дубровникъ и тамъ подать императору жалобу на турецкія притѣсненія, обѣщая впередъ, что императоръ вступится за нихъ передъ султаномъ. Сербскіе селяки вняли уговорамъ агентовъ. Въ Дубровникѣ на Торгу императоръ подошелъ къ ожидающимъ его герцеговинцамъ и по-сербски спросилъ ихъ, откуда они, и что отъ него хотятъ? «Вручить вашему величеству жалобу на турецкія притѣсненія», отвѣчали сербы. «Примите отъ нихъ жалобу,» приказалъ императоръ, и тутъ же въ присутствіи герцеговинскихъ пословъ, принявъ суровый видъ, обратился на французскомъ языкѣ къ Дервишу-пашѣ съ фразой, не имѣющей никакого отношенія къ просьбѣ и совершенно не отвѣчавшей по содержанію ни тону, ни суровому виду императора. Комедія была сыграна. Герцеговинцы остались въ убѣжденіи, что императоръ на ихъ сторонѣ и окажетъ имъ поддержку. За комедіей послѣдовала трагедія. Началось герцеговинское возстаніе, послѣдовала сербско-турецкая война, на защиту балканскихъ славянъ двинулись русскіе добровольцы и русская армія. Австрійскій императоръ и австрійское правительство во время войны усердно совали намъ палки въ колеса. Но зато, когда дошло къ развязкѣ, Австрія не преминула наложить свою цѣпкую лапу на Боснію и Герцеговину, и торжествующій Андраши съ паѳосомъ

воскликнулъ: «*Только теперь наступилъ я на главу змѣи!*» Ему вторилъ его коллега Тисса: «*Мы вонзили топоръ въ славянское тѣло на Балканахъ!*»

Невесинская комедія была первой пьесой того репертуара, который вотъ уже слишкомъ 30 лѣтъ съ большимъ искусствомъ разыгрывается австро-венгерскимъ правительствомъ на Балканскомъ полуостровѣ. Самъ великій Шекспиръ подивился бы изумительному творчеству новаго Мефистофеля. Къ какимъ пріемамъ прибѣгаетъ австрійское правительство и его агенты, какъ оно относится къ представителямъ русскаго правительства, можно судить изъ слѣдующихъ фактовъ. Первымъ русскимъ консуломъ въ Сараевѣ послѣ оккупаціи былъ г. Бакунинъ, человѣкъ добросовѣстный и энергичный. Австрійскія власти всячески интриговали противъ него, шпіоны по пятамъ слѣдовали за нимъ, но въ результатѣ покончить съ нимъ не удавалось. Тогда ночью, во время его отсутствія, въ квартиру консула забирается неизвѣстный воръ и взламываетъ кассу. Удивительный воръ не тронулъ денегъ консула, но зато старательно забралъ всю корреспонденцію и всѣ бумаги. На другой день австрійское правительство принесло свое сожалѣніе по поводу случившагося и дало обѣщаніе отыскать виновнаго. Какъ и слѣдовало ожидать, поиски остались безуспѣшными. Въ Босніи, гдѣ по выраженію г. Клофача, птица не можетъ пролетѣть безъ вѣдома полиціи, не смогли отыскать виновнаго. Мало того, вскорѣ стало извѣстно, что жандармы сами проводили вора въ Далмацію. Здѣсь онъ вскорѣ женился и получилъ мѣсто въ привилегированномъ земельномъ банкѣ. Россія же послѣ этой исторіи принуждена была перевести своего энергичнаго консула въ другое мѣсто. Благопріятный исходъ

этого дѣла окрылилъ австрійское правительство, и въ 1903 году правительство «дружественной» намъ Австріи оказывается сильно скомпрометированнымъ въ убійствѣ консуловъ Щербины и Ростковскаго.

«О тѣхъ преступленіяхъ, которыя Австрія совершаетъ съ помощью латинской пропаганды на границѣ Сербіи и Черногоріи, объ австро-венгерскихъ консулахъ въ Старой Сербіи и сѣверной Албаніи можно было бы написать цѣлыя книги, — указывалъ г. Клофачъ въ австрійскомъ парламентѣ.—Эти книги были бы ужаснымъ обвиненіемъ Австріи, политика которой въ Старой Сербіи обагрена кровью неповиннаго сербскаго народа; рука Австріи повсюду двигаетъ куркомъ албанскаго ружья. Политика ея показала себя во всей своей жестокости въ митровицкомъ побоищѣ, которое устроили — и это характерно — латинскіе албанцы и подкупленные арнаутскіе беги; отношенія ихъ къ Австріи хорошо извѣстны. Эта разбойничья продѣлка кончилась убійствомъ русскаго консула; всѣ Балканы и русская печать указывали, какъ на вдохновителей нынѣшнихъ убійствъ русскихъ консуловъ, на интриги ихъ австрійскихъ коллегъ. Мы знаемъ, что нѣкоторые австрійскіе подданные были арестованы, такъ какъ находились въ непосредственномъ отношеніи къ убійству Щербины. Впрочемъ, всякій разъ, какъ въ Старой Сербіи проливается кровь, когда происходитъ столкновеніе сербовъ съ арнаутами, можно уличить австрійскіе пальцы. Тамъ всякое убійство оплачивается деньгами изъ нашихъ податей. Для австрійской дипломатіи гуманность—пустая фраза, дѣло идетъ вѣдь о проложеніи свободнаго пути къ Солуни».

Когда нельзя покончить съ непріятными лицами убійствомъ, агенты австрійскаго правительства прибѣ-

гаютъ къ отравленію. Интересно въ этомъ случаѣ открытое заявленіе профессора Касумовича, нѣкоторое время состоявшаго на службѣ въ Босніи. Въ 1900 году въ «Deutches Volksblatte» онъ огласилъ, что его шефъ полиціи, докторъ Беркъ, далъ ему отравленные пироги съ требованіемъ отравить ими въ Сербіи трехъ человѣкъ, неудобныхъ австро-венгерскому правительству въ Босніи и Герцеговинѣ.

Убійство и отравленіе до извѣстной степени средства рискованныя; малѣйшая неосторожность—и факты головой выдаютъ закулисныхъ актеровъ, поэтому благоразумное австрійское правительство предпочитаетъ имѣть своимъ орудіемъ провокацію. Въ 1885 году, чтобы вызвать кровавую ссору между боснійскими магометанами и православными сербами, агенты-провокаторы ночью во время поста рамазана, когда магометане собрались въ сарaевской джаміи, бросали камнями, а потомъ распустили слухи и всюду кричали, что это сдѣлали православные... Въ ту же ночь боснійская полиція разослала во всѣ большіе города телеграммы о томъ, что православные напали на джамію. Къ счастью, магометанскіе вожди не повѣрили, и всѣ усилія боснійскихъ властей вызвать рѣзню окончились ничѣмъ. Послѣ того, чтобы найти предлогъ для преслѣдованія сербскихъ православныхъ и магометанскихъ вождей, боснійское правительство напечатало прокламацію, въ которой народъ призывался къ «изгнанію швабовъ» съ оружіемъ въ рукахъ. Ночью прокламаціи были расклеены на улицахъ. Но и эта продѣлка не удалась, работа полиціи во время была открыта, и исторію пришлось замять. Чтобы вызвать вражду между двумя родственными племенами, герцеговинцами и черногорцами, и дать имъ поводъ къ

«осветѣ» (кровавой мести), боснійскіе жандармы убитыхъ ими герцеговинцевъ переносили на черногорскую землю, а убитыхъ черногорцевъ подбрасывали на пути къ герцеговинскимъ селеніямъ. Каждый разъ въ этомъ случаѣ правительственные органы боснійской печати изъ кожи лѣзли вонъ, доказывая, что балканскіе народы — разбойники, и Турція не въ силахъ обуздать ихъ.

Всего года два тому назадъ другой депутатъ австрійскаго парламента — проф. Масарикъ, выступилъ въ делегаціяхъ и въ печати съ позорными для австрійскаго правительства разоблаченіями по поводу подлоговъ Васича — подлоговъ, въ которыхъ оказались замѣшаны не только австрійскій посолъ въ Сербіи графъ Форгачъ, но и самъ министръ графъ Эренталь.

Австрійское правительство, съ присущими ему наглостью и лживостью, вѣроятно упорно стало бы отрицать всѣ эти факты, но, къ его несчастью, австрійскій парламентъ имѣетъ въ своей средѣ честныхъ и мужественныхъ депутатовъ, подобныхъ Массарику и Клофачу. Ихъ благородный голосъ смѣло звучитъ въ защиту обездоленныхъ славянскихъ племенъ, безпощадно клеймитъ рѣзкимъ протестомъ гнусную политику австрійскаго правительства, и, въ освѣщеніи этой критики, кровавая правда выступаетъ во всей своей ужасной наготѣ.

Берлинъ и отцы іезуиты.

Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ долгое время былъ непримиримымъ врагомъ императора Вильгельма. Ненависть питалась, главнымъ образомъ, религіозными побужденіями. Типичный для рода Габсбурговъ принцъ-фанатикъ и другъ іезуитовъ, Францъ-Фердинандъ всѣми силами души ненавидѣлъ германскаго императора, какъ про-

тестанта и какъ узурпатора той самой германской имперской короны, которая столь долгое время была неотъемлемой собственностью дома Габсбурговъ. Но въ 1908 году, преодолѣвая въ себѣ чувства личной антипатіи, эрцгерцогъ все же принужденъ былъ отправиться на поклонъ въ Берлинъ. Аннексія Босніи и Герцеговины поставила Австрію передъ возможностью войны съ Россіей, и Габсбургская монархія нуждалась въ помощи Германіи. Принца, какъ всегда, сопровождала его супруга, урожденная графиня Хотекъ, женщина чрезвычайно честолюбивая и имѣвшая на мужа громадное вліяніе.

Въ Берлинѣ супружескую чету ожидалъ пріятный сюрпризъ. Супругѣ эрцгерцога оказаны были почести, подобающія коронованной особѣ. Этого мало. Императоръ Вильгельмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявилъ, что дѣти эрцгерцога, по его мнѣнію, могутъ наслѣдовать австрійскій престолъ, но для упроченія такового за ними Францъ-Фердинандъ долженъ прославить свое имя и расширить предѣлы Габсбургской монархіи. Надо оставить мечту о возстановленіи въ Италіи свѣтской власти папы, — указывалъ императоръ,—надо также временно отказаться отъ интенсивной политики на Балканскомъ полуостровѣ: пока Россія могущественна, Габсбурги не утвердятся тамъ. Интересы обѣихъ союзныхъ имперій, Германіи и Австріи, властно толкаютъ ихъ на Востокъ, въ сторону Россіи, и ослабленіе послѣдней послѣ русско-японской войны служитъ лучшимъ ручательствомъ успѣха такой политики.

Такъ убѣждалъ своего гостя *традиціонный* другъ Россіи императоръ Вильгельмъ о необходимости активной политики на Востокѣ. Не были забыты и интересы

святѣйшаго престола. Развѣ водвореніе уніи въ Украйнѣ не является лучшею компенсаціей за потерю папской области? И вотъ среди торжествъ державный хозяинъ и его новый другъ договариваются о новомъ курсѣ политики. Создается планъ захвата русскихъ владѣній. Согласно этому плану Пруссія должна была занять Царство Польское по Вислу, съ Варшавой, какъ пограничнымъ городомъ, а Австрія должна была захватить Подолію, Бессарабію и прежнее Брацлавское воеводство съ городомъ Одессою, каковая должна была стать теперь третьимъ большимъ портомъ будущей Великой Австріи.

Съ этого момента кореннымъ образомъ измѣняются отношенія австрійскаго и германскаго правительства къ такъ называемымъ украинцамъ. Украинцы становятся теперь въ полномъ смыслѣ слова фаворитами бельведерскаго двора. И въ то самое время какъ шенбруннскій дворъ съ больнымъ и престарѣлымъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ напрягаетъ всѣ силы на то, чтобы сохранить съ Россіей «длительно-дружескія отношенія», бельведерскій дворъ наслѣдника австрійскаго престола дѣлаетъ все, чтобы испортить ихъ и главнымъ козыремъ въ этомъ новомъ курсѣ выдвигаетъ «украинскій вопросъ».

Бельведерскій дворъ въ Вѣнѣ и конопиштскій замокъ въ Чехіи стали центрами, гдѣ по день трагической смерти эрцгерцога Франца-Фердинанда настойчиво ткалась сложная паутина злыхъ козней и хитро обдуманныхъ интригъ противъ Россіи. Эрцгерцогъ жилъ здѣсь окруженный отцами-іезуитами. Частыми посѣтителями дворца и замка были чешскіе феодалы, воспитанники іезуитовъ въ родѣ гр. Сильвы-Тарука и гр. Кламъ-Мартинича, главы австрійскихъ іезуитовъ галицкаго митро-

полита Андрея графа Шептицкаго и украинскихъ лидеровъ фонъ-Василько и Кость Левицкаго. Походъ на Украйну, отторженіе отъ Россіи Украйны и введеніе тамъ уніи,—вотъ лозунги, до послѣдняго дня возглашавшіеся въ бельведерскомъ дворцѣ и конопиштскомъ замкѣ. И надъ всѣмъ этимъ благосклонно развѣвался германскій императорскій флагъ.

Въ Берлинѣ отлично понимаютъ, что православіе на Украйнѣ является могучею связью между двумя вѣтвями русскаго племени, — между великороссами и малороссами, — и потому параллельно съ пропагандою теоріи о расовомъ отличіи этихъ двухъ племенъ выдвинута затѣя насажденія на Украйнѣ уніи. Протестантскій Берлинъ не постѣснялся вступить въ постоянныя сношенія съ орденомъ іезуитовъ.

Насколько близки отношенія между Берлиномъ, украинцами и отцами-іезуитами, можно судить изъ слѣдующаго факта. Въ дни моего пребыванія въ Львовѣ у львовскаго *германскаго* консула собрались іезуитъ принцъ Максимиліанъ Саксонскій, уніатскій митрополитъ гр. Шептицкій, предсѣдатель украинскаго «Народнаго комитета» д-ръ Кость Левицкій и еще три украинскнхъ депутата. Предметомъ совѣщанія, между прочимъ, служилъ вопросъ о помощи германской дипломатіи въ назначеніи гр. Шептицкаго кардиналомъ въ Римѣ и о его будущей дѣятельности въ ватиканскихъ кругахъ. Германское правительство сильно озабочено этимъ вопросомъ, полагая, что съ переселеніемъ гр. Шептицкаго въ Римъ явится возможность вовлечь Ватиканъ въ активную агитацію въ пользу украинства и уніи въ Малороссіи. Подробно обсуждалась и финансовая сторона этого переселенія. Увы! Римъ не откликнулся на ходатайства Берлина. Полу-

чить «украинскому» митрополиту кардинальскую шапку не удалось. Этой затѣѣ помѣшали нынѣ опальные у Вѣны, но все еще сильные въ Римѣ, поляки.

Другъ митрополита Андрея Шептицкаго, іезуитъ принцъ Максимиліанъ Саксонскій особенно усердно подчеркиваетъ свое украинофильство. При вѣнскомъ дворѣ это очень вліятельная фигура. Родная сестра принца была замужемъ за эрцгерцогомъ Отто, братомъ убитаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, она же мать теперешняго наслѣдника австрійскаго престола эрцгерцога Карла-Франца-Іосифа. Такъ же, какъ и его трагически погибшій дядя Францъ-Фердинандъ, эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Іосифъ и его супруга принцесса Зита находятся всецѣло подъ вліяніемъ іезуитовъ, и близкое родство теперешняго престолонаслѣдника Габсбургской монархіи съ Максомъ Саксонскимъ скорѣе говоритъ за упроченіе этого вліянія, чѣмъ за ослабленіе его.

Россія и славяне.

Россія и славяне.

Для зарубежныхъ славянъ Россія всегда была и будетъ родною державою. Помимо всякаго желанія русскаго правительства, а еще чаще вопреки его намѣренію, вліяніе Россіи, къ великому неудовольствію Габсбурговъ, сильно сказывалось и сказывается не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и на внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгріи. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка извѣстный чешскій публицистъ Гавличекъ, намекая на Россію, въ шутливомъ тонѣ указывалъ нѣмцамъ: «*Вы, нѣмцы, называете насъ пѣвцами и флейтистами. Да, мы, славяне Австріи, пока бѣдные пѣвцы и флейтисты, но у насъ есть богатый дядюшка, онъ играетъ на контръ-басъ и такую творитъ музыку въ Европѣ, что часто всѣхъ заглушаетъ. Еще недавно басъ его игралъ очень любезно для васъ (намекъ на венгерскую кампанію 1849 года), и безъ него прежнее Miserere, вѣроятно, не перешло бы въ нынѣшнее Te Deum Laudamus*» [1]).

Историческіе факты не разъ подтверждали справедливость этого положенія. Каждый разъ, какъ Россія терпѣла уронъ, терпѣли ущербъ и зарубежные славяне. Наоборотъ, съ ростомъ могущества Россіи

---

[1]) Тебя Бога хвалимъ.

соотвѣтственно понижалась строптивость австрійскаго правительства въ его нескончаемыхъ пререканіяхъ съ чехами, съ поляками и съ другими подчиненными ему славянскими народами и турецкія неистовства надъ балканскими славянами. Послѣднимъ краснорѣчивымъ примѣромъ такого балансированія интересовъ зарубежныхъ славянъ въ зависимости отъ ослабленія и роста могущества Россіи была аннексія Босніи и Герцеговины.

Если бы несчастная война съ Японіей въ значительной мѣрѣ не подорвала нашу боевую готовность на западной границѣ, сербскому народу, конечно, не пришлось бы оплакивать потерю этихъ провинцій. Международное положеніе Россіи въ концертѣ европейскихъ державъ всегда было и будетъ самымъ вѣрнымъ показателемъ политическаго состоянія зарубежныхъ славянъ.

Насколько австрійскіе и балканскіе славяне ревниво относятся къ каждому политическому выступленію Россіи, показываетъ пріѣздъ въ Петербургъ и Москву недавняго нашего гостя, извѣстнаго депутата австрійскаго парламента Вацлава Клофача. Потсдамскіе переговоры напугали весь славянскій міръ, въ русско-германскомъ соглашеніи увидѣли новый курсъ русской политики. Г. Клофача направили въ Петербургъ выяснить положеніе дѣлъ. Австрійскій депутатъ принятъ былъ министрами П. А. Столыпинымъ и С. Д. Сазоновымъ и имѣлъ съ ними продолжительное совѣщаніе.

Если славянскіе народы заинтересованы въ томъ, чтобы Россія была богата и могущественна, то, въ свою очередь, не въ меньшей степени заинтересована и она въ томъ, чтобы славяне не утрачивали своихъ вѣковыхъ позицій на западѣ и на югѣ Европы.

Двѣсти лѣтъ длилась борьба между Россіей и Турціей, она поглотила колоссальныя средства и унесла милліоны жизней. И по сіе время Турція представляетъ настолько сильнаго противника, что ея армія могла бы серьезно угрожать Кавказу и нашему черноморскому побережью. Но мы спокойны за наши южныя владѣнія и южную границу, спокойны потому, что на границѣ Оттоманской имперіи выросли славянскія государства—Черногорія, Сербія и Болгарія. Не подлежитъ сомнѣнію, что при первой попыткѣ Турціи вступить въ борьбу съ Россіей, арміи этихъ славянскихъ государствъ не замедлятъ вторгнуться въ европейскія провинціи своего сосѣда. Такое же чувство непріятнаго сосѣдства въ отношеніи Сербіи и Черногоріи испытываетъ и другой нашъ противникъ — Австрія, принужденная значительную часть своихъ вооруженныхъ силъ держать на южной границѣ только потому, что она сосѣдитъ здѣсь со славянскими государствами, всегда дружественными Россіи.

Еще въ 1867 году, привѣтствуя съѣздъ въ Москвѣ славянскихъ гостей, И. С. Аксаковъ проникновенно указывалъ русскому обществу и правительству истинныя задачи и пути національной русской политики. «*Главнѣйшая задача славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя, какъ его средоточіе, и познала свое славянское призваніе,—писалъ онъ въ газетѣ «Москва».—Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія немыслима внѣ славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно и духовно, такъ и славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи—въ ея славянствѣ. Но если и самою природой и исторіей суждено Россіи*

быть центромъ тяжести всего славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознаніи. Необходимо, чтобы сама Россія вполнѣ уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ея значеніе, какъ представительницы славянства, какъ носительницы славянскаго знамени, а однажды сознавъ этотъ долгъ, она сумѣетъ и совершитъ его».

На западѣ, гдѣ каждый захватъ нѣмцами славянской земли уменьшаетъ силы нашихъ естественныхъ союзниковъ славянъ и одновременно съ тѣмъ усиливаетъ Германію, исходъ борьбы нѣмцевъ со славянами имѣетъ для насъ громадное значеніе. Если это значеніе можетъ быть въ полной мѣрѣ учтено только въ далекомъ будущемъ, то всякое частичное усиленіе нѣмцевъ за счетъ побѣды ихъ надъ славянами, результатомъ чего является усиленіе Германіи, мы ощущаемъ тотчасъ же въ соотвѣтственномъ увеличеніи нашихъ затратъ на оборону западной границы Россіи. Вотъ почему съ большимъ вниманіемъ должны мы слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается по ту сторону нашей западной границы, и никоимъ образомъ не допускать торжества нѣмцевъ надъ славянами.

Глубоко заблуждаются тѣ, кто въ «разсѣяніи» поляковъ по лицу всего свѣта видятъ залогъ обезпеченности покоя на нашихъ западныхъ окраинахъ. Надо разъ навсегда оставить опасное заблужденіе, что судьба польскаго народа стоитъ внѣ судебъ русскаго народа, что мы, русскіе, можемъ безразлично относиться къ утратѣ поляками ихъ коренныхъ земель.

Давно пора забыть старую вражду, одинаково разорительную и для русскаго и для польскаго народовъ. И на публицистахъ, болѣе чѣмъ на комъ-либо, лежитъ святая обязанность живымъ словомъ внести

больше свѣта, тепла, правды и мира во взаимныя отношенія между двумя родственными племенами.

Старый путь насилія и неправды долженъ быть навсегда оставленъ, всѣ справедливыя требованія поляковъ необходимо удовлетворить.

Если не голосъ справедливости, то инстинктъ самосохраненія долженъ вывести насъ на свѣтлый путь примиренія съ поляками.

Утро новой жизни.

Въ жизни всякаго общества, совершенно независимо отъ того, къ какой народности оно принадлежитъ и въ какую эпоху живетъ, приходится постоянно наблюдать одинъ и тотъ же соціологическій законъ: каждый поворотъ въ сторону реакціи неизбѣжно несетъ съ собою обнищаніе духа и пониженіе этическихъ началъ въ обществѣ, и каждый успѣхъ въ дѣлѣ завоеванія свободъ всегда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ подъемъ въ немъ волны идеалистическаго настроенія, пробужденіе героическаго энтузіазма, порывовъ къ подвигу.

Шестидесятые годы прошлаго вѣка были временемъ крупныхъ пріобрѣтеній на пути къ существованію гражданскихъ свободъ въ Россіи. Уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго суда, городского и земскаго самоуправленія и другія важныя реформы разбудили дремавшія силы русскаго общества, вызвали въ немъ самостоятельность, выростили интересъ къ общественной и политической жизни. Пробудилась жажда широкаго почина, широкаго размаха въ большомъ дѣлѣ. Политическія событія, какъ нельзя болѣе отвѣчали такому настроенію русскаго общества. Какъ разъ въ это время политическій горизонтъ южной Европы заволокли мрачныя тучи. Славянское населеніе Балканскаго полуострова, будучи не въ силахъ болѣе

выносить неистовыя звѣрства турокъ, подняли оружіе противъ своихъ давнихъ кровожадныхъ угнетателей. Россія очутилась передъ лицомъ назрѣвшихъ крупныхъ событій, восточный вопросъ, доселѣ тлѣвшій слабымъ огонькомъ въ ворохѣ бумагъ посольскихъ канцелярій, неожиданно выросъ въ огненный вихрь, надъ Дунаемъ и надъ долинами герцеговинскихъ горъ занялось кровавое зарево. Въ русскомъ обществѣ, гдѣ со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ, сознаніе славянскаго единства успѣло пустить глубокіе корни, къ страданіямъ братскихъ народовъ отнеслись съ глубокимъ сочувствіемъ. Пробудилось стремленіе прійти на помощь страждущимъ сербамъ и болгарамъ. Не подлежало сомнѣнію, что при первомъ словѣ вождя, который сумѣлъ бы объединить это растущее движеніе, массы добровольцевъ ринутся на защиту славянъ. Такимъ вождемъ, такимъ яркимъ выразителемъ и истолкователемъ этого настроенія явился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, уже до этихъ событій завоевавшій себѣ большую популярность въ широкихъ кругахъ русскаго общества.

Вѣщимъ сердцемъ давно прозрѣлъ онъ истинныя задачи русской національной политики. Онъ хорошо понималъ, что не древняя Азія, съ ея дремлющими въ старческомъ безсиліи народами, патріархами, и съ ея возрождающимся къ исторической жизни молодыми націями, должна стать главною ареною политической дѣятельности русскаго народа, онъ зналъ, что въ книгѣ судебъ міра иное назначеніе опредѣлено этому великому племени. Западъ и югъ Европы, тѣ страны, гдѣ обездоленное славянство до сихъ поръ влачитъ еще цѣпи политической неволи, — вотъ то поле, что ждетъ приложенія силъ русскаго народа.

«Безъ сознанія своего славянскаго призванія,—писалъ еще въ 1867 году Аксаковъ,—немыслимо ни правильное духовное развитіе ни истинная національная политика для Россіи. Національность политики предполагаетъ дѣятельность, соотвѣтственную интересамъ внѣшнимъ и внутреннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политическіе интересы могутъ быть поняты внѣ связи съ ея интересами, какъ *славянской* державы?.. Развѣ возможна полнота русскаго народнаго самосознанія безъ сознанія славянскаго происхожденія, славянской стихіи русскаго народа и предлежащаго ему историческаго подвига?.. Чтобы русская политика была вполнѣ національною, русскою, но и славянскою. Въ сущности, тутъ нѣтъ двойства понятій, а, напротивъ, совершенное тождество, но и сознаніе этого-то тождества и необходимо для нашего правильнаго развитія — и государственнаго, и общественнаго, и политическаго, и духовнаго»... Уже за нѣсколько лѣтъ до начала возстанія въ Герцеговинѣ, И. С. Аксаковъ предвидѣлъ важныя событія на Ближнемъ Востокѣ. Въ томъ же 1867 г. въ газетѣ «Москва» онъ пишетъ: «Дѣло спѣетъ. Трепетъ новой жизни уже слышится на Востокѣ; бодрѣе стала, оживились сознаніемъ и изготовляются къ упорной кровавой борьбѣ христіанскія населенія Турціи. Тайно и явно куется оружіе, свозятся запасы, племена ссылаются между собою, — все полно тревоги и ожиданія, все *наканунѣ* послѣдней, роковой битвы. Дѣло спѣетъ, но еще не поспѣло, и, вникая пристальнѣе въ подробности дѣйствительной обстановки восточнаго вопроса, можно, пожалуй, и не жалѣть о томъ, что дипломатія думаетъ продлить агонію своего паціента». Вторая половина семидесятыхъ годовъ была тѣмъ моментомъ, когда

наступилъ часъ этой кровавой борьбы. Прологомъ къ ней послужило герцеговинское возстаніе. На этотъ тревожный моментъ И. С. Аксаковъ откликнулся сильнымъ, страстнымъ словомъ, мощнымъ призывомъ къ русскому обществу на великій подвигъ, на борьбу за освобожденіе славянъ. Русская исторія богата блестящими страницами, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть поставлена на ряду съ той, на заголовкѣ которой значится: «Война за освобожденіе балканскихъ славянъ». Какъ бы ни были велики ошибки русскаго народа въ прошломъ, какія преступленія ни тяготѣли бы на совѣсти его, за эту войну многое простится ему. Въ исторіи этой борьбы навѣки вѣчные вписано крупными буквами славное имя знаменитаго русскаго публициста, и изъ вѣка въ вѣкъ въ возрожденной Болгаріи, въ Черногоріи, въ сербскомъ королевствѣ съ теплымъ чувствомъ будетъ вспоминаться имя И. С. Аксакова.

Великій писатель и патріотъ земли русской понималъ, что война за освобожденіе балканскихъ славянъ явится поворотнымъ моментомъ въ жизни русскаго народа. «Въ томъ ясномъ, свѣтломъ, мужественномъ одушевленіи, съ которымъ русскій народъ, на удивленіе всего міра, поднялъ кровавый бой съ врагами Христа и славянства, слышится не «юношескій порывъ», какъ выражается ваше посланіе,—писалъ онъ въ 1877 году доктору Ф. Л. Ригру въ отвѣтъ на братскій привѣтъ отъ имени сеймовыхъ депутатовъ чешскаго народа,—и не религіозное только увлеченіе, и даже не одна радость богатыря, который нашелъ себѣ честный подвигъ по силамъ и по сердцу, а радость о раскрывшемся высокомъ призваніи Россіи, какъ православной и славянской державы, о чаемомъ исполненіи

впервые сознаннаго имъ историческаго долга, объ обрѣтеніи, наконецъ, праваго пути послѣ долгихъ блужданій, объ обрѣтеніи цѣлаго міра братства. Отнынѣ только Россія становится по истинѣ во главѣ славянства и останется во главѣ, какихъ бы ухищреній не измышляли на Западѣ ея мнимые друзья и ея объявленные враги».

Не только въ исторіи русскаго народа, но и въ исторіи всего славянства видѣлъ онъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. поворотный моментъ. «Ночь для славянъ, — писалъ онъ, — наконецъ, минула и встало утро — *вѣщее* утро великаго мірового дня: слышится трепетъ новой исторической жизни»...

Привѣтствуя это «утро», Аксаковъ подчеркивалъ, что не забота о почетной роли первенства въ исторіи и всемірномъ владычествѣ должна тревожить въ этотъ наступающій мигъ Россію и все славянство, нѣтъ, пусть, прежде всего, торжествуетъ истина, пусть «жезлъ вселенной принадлежитъ правдѣ»... Служить просвѣщенію общечеловѣческому, служить истинно и высшей правдѣ своею правдою, свойствами и особенностями славянскаго народнаго духа, — вотъ, по его мнѣнію, что должно быть поставлено задачею для славянскихъ народовъ. Какъ все это не похоже на требованія и претензіи нѣмецкихъ писателей, какая бездна лежитъ между воззрѣніями двухъ арійскихъ племенъ: славянъ и нѣмцевъ! Аксаковъ, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой и другіе наши писатели, проповѣдующіе служеніе человѣчеству, видящіе историческую миссію Россіи въ утвержденіи братства между народами и рядомъ съ этимъ громкіе выкрики о расовомъ превосходствѣ германскаго племени, міровладыческія мечты и задачи въ писаніяхъ господъ Виртовъ, Моммзеновъ, Бьернсоновъ и т. д.

Въ предисловіи къ поэмѣ «Германія», Зимняя сказка», даже Гейне, этотъ поэтъ типичный космополитъ не устоялъ противъ соблазнительныхъ мечтаній о нѣмецкомъ всевладычествѣ:

«Да, не только Лотарингія и Эльзасъ, а вся Франція достанется намъ. Вся Европа, весь міръ—весь міръ сдѣлается нѣмецкимъ! Объ этомъ призваніи и всемірномъ владычествѣ Германіи часто мечтаю я, когда гуляю подъ дубами».

Великая борьба.

Когда, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, загорался первый свѣтъ зари гражданской свободы на Руси, *глядя на освободительныя стремленія русскаго общества, сердито ворчалъ Берлинъ и жаловался Бисмаркъ: «Русское правительство революціонизируетъ Европу»*. Въ это же время славные вожди и борцы за объединеніе Италіи Пьеро Мадзини и Гарибальди, радовались и привѣтствовали внутреннія освободительныя реформы въ Россіи, привѣтствовали потому, что видѣли въ нихъ лучшій залогъ выполненія славянской миссіи Россіи, вѣрный путь къ объединенію славянъ.

«Славяне! соберитесь въ одну федерацію,—восклицалъ Мадзини,—и пусть Константинополь будетъ вашей столицею, вашимъ духовнымъ центромъ, открытымъ для всѣхъ и никѣмъ непорабощеннымъ». Какъ бы въ отвѣтъ на это пророческое воззваніе, въ 1876 году, когда, вслѣдъ за возстаніемъ въ Герцеговинѣ, взялась за оружіе юная Сербія, ринулись толпы русскихъ добровольцевъ на защиту балканскихъ славянъ, а за ними, во главѣ съ Царемъ-Освободителемъ, годъ спустя, двинулась туда же и русская армія. Славная эпопея борьбы за освобожденіе балканскихъ славянъ завершилась созданіемъ болгарскаго государства и сверже-

ніемъ турецкаго ига съ сербскихъ княжествъ—Сербіи и Черногоріи.

Этимъ заложены были первые камни того фундамента, на которомъ должно вырасти стройное зданіе будущей федеративной славянской имперіи, государства, гдѣ всѣ славянскія народности нашли бы полное осуществленіе всѣхъ своихъ справедливыхъ государственныхъ правъ и народныхъ требованій.

Послѣ того, какъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ темныя тучи торжествующей реакціи опять заволокли политическій небосклонъ русской земли, наступило въ русскомъ обществѣ временное пониженіе интереса къ славянской идеѣ, потускнѣли, померкли на время надежды на грядущее возсоединеніе славянъ. Но время шло. Назрѣвали событія. Насъ зоветъ исторія, насъ зовутъ завѣты сошедшихъ въ могилу славныхъ дѣятелей предшествовавшаго поколѣнія шестидесятниковъ, витающія среди насъ тѣни братьевъ Ивана и Константина Аксаковыхъ, Герцена, Чичерина и другихъ лучшихъ людей русской земли, къ трудной борьбѣ, къ великой борьбѣ за освобожденіе славянъ. Нашей цѣлью должно стать созданіе могущественной славянской федераціи. Признавъ за россійскими императорами титулъ царей польскихъ, русскій народъ тѣмъ самымъ принялъ на себя обязательство вернуть этой коронѣ всѣ коренныя польскія земли; провозгласивъ себя носителемъ славянской идеи, онъ тѣмъ самымъ обязался передъ лицомъ всѣхъ славянскихъ народовъ отстоять ихъ государственныя права, помочь имъ возродиться въ государственныя единицы будущей славянской федеративной имперіи.

Въ 1864 году чехъ Палацкій въ газетѣ «Народъ» («Narod», 1864, № 262) писалъ: «*Если нѣмцамъ въ*

Австріи позволительно толковать объ общенѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, то никто намъ не запретитъ повести рѣчь о русскомъ парламентѣ всѣхъ славянскихъ народностей»...

Много событій совершилось съ того времени. Сильно измѣнилась карта Европы, измѣнилось государственно-правовое положеніе многихъ европейскихъ народовъ. Объединилась Германія, объединилась Италія, существуетъ независимая Венгрія, но страждутъ все еще славяне, несутъ на раменахъ своихъ иго иноземное. Тщетно борятся чехи за возстановленіе нарушенныхъ правъ короны св. Венцеслава, стонетъ расчлененная, подѣленная въ коренныхъ своихъ земляхъ несчастная Польша, гибнутъ въ партійномъ раздорѣ оторванныя отъ родного тѣла Угорская Русь и Червонная—древнее наслѣдіе князей Романа и Даніила Галицкихъ, расчлененъ сербскій народъ, залита славянской кровью Македонія... Боже, да развѣ перечтешь всѣ невзгоды славянскія!

Грядущій славянскій вѣкъ.

Послѣдняя четверть минувшаго столѣтія и истекшее десятилѣтіе XX вѣка были временемъ, когда пробуждающееся славянство впервые заставило французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ писателей задуматься о его будущей роли въ міровой жизни. Что внесетъ оно въ укладъ политической и соціальной жизни европейскихъ народовъ, проявитъ ли оно и въ этой области такое же усиленное творчество, какое проявило въ искусствѣ и литературѣ, давъ произведенія удивительной красоты, глубокой и смѣлой мысли.

«Русскій народъ, называющій насъ «нѣмцами» — «нѣмыми», самъ пока нѣмъ,—писалъ въ 1902 году Максъ Нордау о самомъ могущественномъ изъ сла-

вянскихъ народовъ, — онъ великая необъяснимая загадка. Еще никто не проникъ въ сокровенную тайну его дремлющей души, даже само его правительство, не говоря уже объ иностранцахъ. Сегодня онъ кажется безропотно покорнымъ, апатичнымъ, но вполнѣ возможно, что онъ стряхнетъ свою спячку, начнетъ думать, говорить, дѣйствовать, проникнется западноевропейскими идеалами и, уничтоживъ въ себѣ слѣды монгольства, начнетъ развивать славяно-европейскія черты. Исполинская мощь русскаго народа, содѣйствующая радикальнымъ реформамъ Запада, попирающая абсолютистскую и теократическую реакцію, — это головокружительная мысль. Такая перемѣна неминуемо направитъ ходъ міровой исторіи по другому руслу».

Ренанъ, долгое время со страхомъ смотрѣвшій на пробуждающійся славянскій міръ и видѣвшій въ этомъ «величайшее бѣдствіе цивилизацій», подъ конецъ жизни, когда нѣсколько ознакомился съ идеалами славянства, сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ его друзей. Въ 1883 году, характеризуя творчество Тургенева, онъ сочувственно говорилъ: «Для этого великаго славянскаго писателя, появленіе котораго на переднемъ планѣ міра составляетъ самое неожиданное явленіе нашего вѣка, нужно считать честью, что оно съ перваго же раза выразилось въ такомъ совершенномъ мастерѣ. Никогда тайны темнаго и еще противорѣчиваго сознанія не были раскрыты съ такою изумительною чуткостью...

«Когда будущее откроетъ намъ вполнѣ всѣ неожиданности, хранящіяся въ этомъ изумительномъ славянскомъ духѣ, съ его пламенною вѣрою, съ его глубокою проницательностью, съ его особеннымъ пони-

маніемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеала, тогда изображенія Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ портрета геніальнаго человѣка въ его дѣтствѣ. Тургеневъ исполнилъ роль выразителя, истолкователя одного изъ великихъ племенъ человѣчества».

Годъ спустя, говоря о Мицкевичѣ, Ренанъ съ изумленіемъ восклицаетъ: «Полный первобытныхъ сновъ великихъ племенъ на другое утро послѣ ихъ пробужденія, это былъ какой-то литовскій великанъ, только что родившійся изъ земли, или, лучше, внезапно вдохновленный небомъ, соединявшій въ себѣ съ пророческими видѣніями пророческія иллюзіи, но постоянно полный непоколебимой вѣры въ будущее человѣчества и своего племени, упорный идеалистъ, несмотря на всѣ разочарованія, оптимистъ, двадцать разъ обманутый, но неисправимый».

Когда Ренанъ давалъ эти отзывы о Тургеневѣ и Мицкевичѣ, другіе титаны славянской мысли, Достоевскій и графъ Толстой, а также такіе выдающіеся художники, какъ Чеховъ, Сенкевичъ и другіе, на ряду съ ними стоящіе славянскіе писатели, не были извѣстны ему. Онъ не имѣлъ возможности въ полной мѣрѣ ознакомиться съ величіемъ духа тѣхъ, кого онъ такъ недавно страшился, указывая на наступающій «день славянскаго завоеванія».

Кошмарные признаки, рождавшіеся въ испуганномъ изображеніи западно-европейскихъ писателей подъ вліяніемъ извѣстій объ успѣхахъ славянъ на политической аренѣ борьбы народовъ, въ значительной мѣрѣ разсѣялись къ концу прошлаго вѣка. Въ 1902 г. французскій профессоръ Мартинъ, препровождая въ редакцію польской газеты «Новая Реформа»

пожертвованіе на вжеснянскихъ дѣтей, смѣло пишетъ: «Если настоящее принадлежитъ нѣмцамъ, т.-е. грубой силѣ, то будущее принадлежитъ славянамъ, т.-е. справедливости и праву».

Еще опредѣленнѣе и смѣлѣе высказался о будущемъ славянства англійскій писатель д-ръ Уошбернъ въ своей брошюрѣ «Будущее торжество славянства».

«Латинское и нѣмецкое племя, — говоритъ онъ, — отжили свои дни и не сумѣли создать настоящей христіанской цивилизаціи. Они достигли огромныхъ успѣховъ въ организаціи общества, въ развитіи матеріальнаго благосостоянія, въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, особенно въ признаніи и обезпеченіи въ извѣстной степени правъ человѣческой личности. Но они превознесли вещественное надъ духовнымъ и сотворили себѣ Бога изъ Мамоны. Они уже потеряли благороднѣйшія стремленія юности и руководятся нынѣ грязнымъ расчетомъ страсти. Ожидается приходъ славянства, чтобы возродить Европу, водворить принципъ всемірнаго братства и царства Христова на землѣ. Славянское племя переживаетъ еще только свою юность, что будетъ, когда оно созрѣетъ. До какихъ предѣловъ оно осуществитъ свои мечты и дастъ высшее и лучшее развитіе цивилизаціи, чѣмъ Западъ, покажетъ *вѣкъ будущій — вѣкъ славянскій*.

Такъ, когда съ тревогою, когда съ глубокою вѣрою въ наступленіе лучшихъ дней для человѣчества внимательно всматриваются передовые умы Европы въ пробуждающееся славянство, всѣ они въ одномъ согласны: будущій вѣкъ, это—*славянскій вѣкъ*. Онъ грядетъ этотъ вѣкъ; отблескъ загорающейся денницы на Востокѣ предвѣщаетъ ясный день въ жизни человѣчества, тотъ день, о которомъ грезилъ когда-то про-

рокъ его, славный Колларъ: «Что изъ насъ, славянъ, выйдетъ черезъ сто лѣтъ, что будетъ съ цѣлой Европой? Славянская жизнь, наперекоръ нѣмецкому потопу, расширитъ повсюду предѣлы своихъ шаговъ. И та рѣчь, которую считали рѣчью рабовъ извращенные нѣмецкіе сыщики, будетъ раздаваться подъ сѣнью палатъ и въ устахъ самихъ соперниковъ. Науки также потекутъ славянскимъ русломъ; наряды, нравы и пѣсни нашего народа станутъ модными надъ Сеной и Лабой».

Наступленіе этого славянскаго вѣка Колларъ видѣлъ тогда, когда прекратятся распри между славянами, когда они объединятся, когда на зовъ—«славянинъ»—да будетъ откликъ—«человѣкъ».

Этой послѣдней фразой Колларъ подчеркнулъ ту особенность славянскаго племени, которая неоднократно подчеркивалась и политиками, и соціологами, и историками, и этнографами и которая особенно рельефно выразилась въ исторіи русскаго племени. Я говорю про уживчивость славянъ, я указываю на готовность ихъ примириться съ міровоззрѣніями чуждыхъ ему народовъ, обыкновенную ихъ колонизаторскую способность. Этой уживчивостью нашихъ предковъ, главнымъ образомъ, обязано русское племя тому, что безконечные лѣсные пустыри верхняго Поволжья, Прикамья, Пріуралья и Сибири, нѣкогда заселенные финскими и тюркскими племенами, обратились въ коренную Русь. Широко впитывая въ себя инородческіе элементы, русское знамя крѣпче въ своихъ силахъ, оказалось достаточно устойчивымъ для того, чтобы вынести и борьбу съ кочевниками южной Россіи, и татарщину, и смутное время, и всѣ послѣдующія невзгоды. Московская Русь не знала насиль-

ственной политики руссификаціи окраинъ, и этимъ она претворила ихъ въ коренныя русскія области. И хотя Московская Русь крѣпко держалась основъ своей народности, во главу государственной политики клала непоколебимую вѣрность интересамъ православія, а выработанные религіозные обычаи почти отождествила съ религіознымъ культомъ,—все же, почти до самаго конца XVII вѣка, ей совершенно чужда была національная нетерпимость. Магометанинъ, татаринъ, протестанты — шведъ и нѣмецъ, католикъ изъ Шотландіи—всѣ пользовались одинаковыми правами на Руси, одинаковою защитою русскаго закона.

На этомъ создалось величіе русскаго государства. Отступленіе отъ такой политики — покушеніе на цѣлость его.

Не распри и войны, не звонъ оружія и грохотъ пушекъ принесетъ съ собою грядущій славянскій вѣкъ — онъ принесетъ миръ и справедливость, онъ принесетъ торжество права надъ силою.

Цѣна 25 коп.